

АННА МУРАДОВА

ЗЕМНОВОДНОЕ В КАРМАНЕ

или Сумасбродные похождения
Лилит Ханум, женщины, любящей
приключения и не признающей ограничений,
да не станет она образцом для подражания

**Анна Романовна Мурадова
Земноводное в кармане,
или Сумасбродные
похождения Лилит Ханум,
женщины, любящей
приключения и не признающей
ограничений, да не станет она
образцом для подражания**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66732758

*Земноводное в кармане, или Сумасбродные похождения Лилит Ханум,
женщины, любящей приключения и не признающей ограничений, да не
станет она образцом для подражания:
ISBN 978-5-6042415-9-2*

Аннотация

«Земноводное в кармане, или Сумасбродные похождения Лилит Ханум» – мудрая, ироничная, изящная книга. Она разворачивается неспешно, позволяя вслушаться в музыку фразы. В ней есть сказка, фэнтези, плутовской роман, семейная сага, мистика, детектив, есть веселая филологическая игра, есть

грациозное переплетение цитат и очень своеобразный и уютный юмор. И есть настоящий сквознячок из вечности, и тот самый таинственный зазор, дополнительное измерение между буквами, где космическое стыкуется с комическим, как писал Набоков.

Содержание

Предисловие	6
Разъяснение и предостережение	8
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Глава седьмая	44
Глава восьмая	53
Глава девятая	59
Глава десятая	67
Глава одиннадцатая	73
Глава двенадцатая	86
Глава тринадцатая	97
Глава четырнадцатая	108
Глава пятнадцатая	115
Конец ознакомительного фрагмента.	118

**Анна Романовна Мурадова
Земноводное в кармане,
или Сумасбродные
похождения Лилит Ханум,
женщины, любящей
приключения и не
признающей ограничений,
да не станет она образцом
для подражания**

© Мурадова А.Р., 2021

© Издательский дом «Неолит», 2021

Предисловие

Что сказать, чтобы не слишком раскрывать карты и не лишать будущих читателей удовольствия? Книга-бабочка, книга – пестрый ковер – и книга-калейдоскоп. Складываются узоры, появляются новые картинки, многие – давно знакомые, и чувство узнавания греет душу. Надменная лягушка – заколдованный принц, так и не ставший обратно человеком. Нелепый ангел-хранитель, который не успевает угнаться за авантюрной прытью своей неугомонной подопечной Лилит. Таинственные предметы, вокруг которых, естественно, закручивается интрига: нож Авраама и старый добрый Грааль. Вязальщицы-парки и кладбищенский смотритель дядя Харон Нергалович. Говорящая ученая сова (в сочетании с мелькнувшим заклинанием «Мутабор» мне с моими радингленскими корнями из Гауфа она доставила отдельное удовольствие).

Вы любите «Ходжу Насреддина» Л. Соловьева? А «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера? Тогда «Лилит Ханум», их сестрица, вам точно придется по душе. (А если кто любит Стерна, де Костера и Лесажа – то тем более.) Книга радостная, для отдыха, для умного развлечения, но она на очень плотной исторической и культурологической подкладке – собственно, а как могло быть иначе, если автор – лингвист, переводчик, писатель, знаток редких языков?

И «республика Кярманистан, знаменитая своими виноградниками», которой «владели ассирийцы, вавилоняне, греки, римляне, персы, арабы, турки, потом – русские», узнается сразу. Впрочем, читатель вместе с героиней побывает не только там, но и в Иране, а уж разных занятных лиц и персонажей насмотрится, как на восточном базаре (базары, естественно, в силу колорита играют в книге огромную роль). Это мудрая, ироничная, изящная книга. Она разворачивается неспешно, позволяя вслушаться в музыку фразы. В ней есть сказка, фэнтези, плутовской роман, семейная сага, мистика, детектив, есть веселая филологическая игра, есть грациозное переплетение цитат и очень своеобразный и уютный юмор. И есть настоящий сквознячок из вечности, и тот самый таинственный зазор, дополнительное измерение между буквами, где космическое стыкуется с комическим, как писал Набоков.

И еще в «Лилит Ханум» очень много запахов, красок, солнца, любви, смеха – и радости жизни. Всего того, что сейчас особенно нужно.

Так что я очень-очень желаю читателям поскорее познакомиться с Лилит Ханум.

Вера Полищук

Разъяснение и предостережение

О, пытливый читатель! Надеюсь, этот рассказ отвлечет тебя от тягот повседневной жизни и слегка позабавит. Не стоит воспринимать его всерьез, ибо нет в нем ни слова правды. Автор сей повести, моя пожилая тетушка, имя которой я обещал не называть, – почтенная вдова, мать четверых детей. Жизнь свою она прожила скромно и незаметно, из дома отца перешла в дом мужа и была примерной хозяйкой и любящей матерью. Я едва уговорил ее передать мне рассказы о Лилит Ханум, сочинением и написанием которых тетушка занялась, как только младший ее сын женился и не стал более нуждаться в опеке. Тетушка опасалась, что кто-нибудь из соседей, прочтя это, может подумать, будто написанное ею основано на личном опыте, а не на сказках, которые от сотворения мира рассказывают древние старухи. К тому же обработанные ею легенды несколько вольно обращаются с библейскими сюжетами, и тетушка беспокоилась, что чувства некоторых верующих будут задеты. Все это могло бы бросить тень на ее безупречную репутацию, поэтому она и поместила своих персонажей в вымышленную страну, которой нет и никогда не было на карте мира. Все действующие лица были выдуманы ею со скуки, и если кто-то и увидит в них себя, то знайте – это всего лишь случайное совпадение.

Ашура А

Земноводное в кармане и оружие в руках.
Так шагаем мы по жизни и витаем в облаках.
Нам за сорок, мы видали все и сверх того чуть-чуть,
Земноводное в кармане взором освещает путь.
Нам пора остановиться и подумать о душе,
Но покой нам только снится, шило в попе и вообще,
Путь прокладываем лихо, невзирая на «нельзя»,
То наверх идем, то тихо – вниз, ругаясь и скользя.
Земноводное в кармане шепчет: «Боже, помоги!
Вновь моя хозяйка встала не пойми с какой ноги».
И петляет путь-дорога, растворяясь вдалеке,
Потому что мы такие, с тараканами в башке.

Часть первая

В которой читатель знакомится с Лилит Ханум, многое узнает о ее прошлом и о том, как она начала новую жизнь

Глава первая

Знакомство с Лилит Ханум

Я жил как дышал – порывисто и вдохновенно. Я объездил полсвета в поисках приключений. Мне случалось ночевать под открытым небом и под роскошным балдахинном дворцовой спальни. Бывало, я голодал, а бывало – смаковал яства, коим нет цены. Я носил и парчу, и лохмотья. Мои туфли топтали землю Финистера и Месопотамии; моя слава гремела от Урмии до Ольстера. Я изъяснялся с жителями десятков стран на их родных языках. Я откидывал покрывала с лиц первых красавиц мира, и они прощались со мной, заламывая руки и спрашивая со слезами: «Увижу ли я тебя еще раз, о возлюбленный?» Я слышал грохот пушек и стоны любви, воркование горлиц и скрежет металла, и все это звучало для

меня как дивная музыка божественного оркестра, именуемого Жизнью. Великая Жизнь, которую я люблю и которой я беспрерывно наслаждаюсь!

Так напишет о себе мужчина, и все будут им восхищаться, даже если он изрядно приврал. Но не дай бог изложить такое женщине, даже если все это происходило с ней на самом деле. А уж написать: «Я развязывала галстуки на шеях первых красавцев мира» – это верх неприличия, даже если скромно умолчать о том, во что переходили все эти встречи без галстуков. О женщине всегда подумают плохо там, где мужчину похвалят. Ну вот представьте себе, кто-то похвастается: «Я сбежал из пиратского плена!» Ах какой смелый, скажут люди, ах какой стойкий! А какими словами встретят женщину, сбежавшую из пиратского плена? Сразу брезгливо отвернутся: «Знаем мы, что с тобой там делали!» Хотя всякий, кто хоть раз побывал в пиратском плену, знает, что порой с мужчинами унижения ради пираты проделывают все то же самое. Но мужчина все равно молодец.

Именно поэтому я, Лилит, дочь почтенных родителей, на коленях умолявших меня никогда не называть в моих нетленках их имен и не марать фамилию упоминанием ее здесь, начинаю этот рассказ в третий день месяца Таммуза 6768 года от сотворения мира с полным пониманием того, какими словами меня обзовут мои родственники. Впрочем, все родственники давно уже отреклись от меня и стараются даже не упоминать в разговоре, как не упоминают мрачного

ночного демона, именем которого сами же меня и назвали. Ибо нет большего позора для моей благонаправной семьи, чем женщина, занимающаяся искусством и наукой вместо того, чтобы стряпать, мыть и чистить, подрывающая устои, сеющая панику среди азербайджанских банщиков и смеющаяся над ханжами.

Что ж, позорить честь семьи – так позорить. Терять уже нечего. Мне 45 лет, возраст, когда на смену юношеской пылкости приходят зрелый расчет и здравый смысл, порождение опыта. С точки зрения многих женщин, это грустный возраст. Про сорокапятилетних больше не слагают стихи, не пишут романы, не снимают мелодрамы. Героиня должна быть юной, стройной, звонкой, гибкой и легкой. Если же у тебя фигура как у Родины-матери и рельефная мускулатура, если под твоей тяжестью жалобно поскрипывает стремянка, когда ты собираешь в своем саду урожай, – все, ты уже не героиня. Ты – опереточная мама невесты, комический персонаж. Про тебя сочинят не сонеты, а анекдоты. Что лично меня вполне устраивает, потому что анекдоты я люблю больше. Они намного короче и интереснее, правда, Генрих?

– Ква, – согласился Генрих, поправляя корону. – Что наша жизнь? Сплошной анекдот. Наливай!

И Лилит Ханум налила себе еще белого вина.

Они коротали ночь в стамбульском аэропорту, потому что рейс, как это часто бывает, задержали. Позади был обычный день: спешный завтрак в Финистере, романтический обед с

милым молодым человеком в Париже, ужин на высоте 10 000 метров над землей. Все это время Генрих дремал, как всякое порядочное земноводное, а к вечеру проснулся. Он умудрился пропустить самое интересное: посадку в скоростной поезд «Кемпер – Париж» без билета и объяснение с контролером, который, конечно же, проникся к Лилит симпатией и пустил ее на случайно освободившееся место.

Утром Лилит Ханум пришлось встать рано и, как обычно, перед тем, как открыть глаза, попытаться ответить себе на несколько вопросов: «В каком городе какой страны я нахожусь? Надо ли вскакивать и куда-то ехать, или можно еще поваляться? Что наша жизнь и зачем я в этом мире?» Проще всего было ответить на третий вопрос, так как Лилит обычно засыпала очень крепко и к утру совершенно не помнила, сколько всего успело произойти за минувший день и куда она успела переместиться. Найдя ответы на первые два, нужно было осторожно удостовериться, нет ли в постели кого-нибудь еще. В жизни бывало всякое, например, однажды в кровать к героине нашей повести залетела летучая мышь. История эта не относится к разряду тех, что заставляют трепетать сердца читателей, но мышь изрядно взволновалась, будучи поймана и с позором изгнана из спальни. Обнаружить рядом с собой красивого мужчину без галстука бывало куда приятнее, к тому же это означало, что есть кому приготовить завтрак. На сей раз в кровати обнаружилась коллега, с которой Лилит Ханум делила гостиничный номер из соображе-

ний экономии. Тоже неплохо: с ней было интересно поговорить, и она не храпела.

Разумеется, далеко не каждое утро начиналось так. Порой Лилит просыпалась совершенно одна в собственном доме, что легко было определить по внутреннему умиротворению и запаху вербены в спальне. Где-то у соседей кукарекал петух, на крыше дома сидели и тутукали горлицы, встречая новый рассвет, ветер шелестел в виноградных листьях, защищавших двор от лучей дневного светила, будто зеленая кровля. Трудолюбивые соседи готовили завтрак на летних кухнях, а Лилит Ханум, возблагодарив Всевышнего за новый счастливый день и приняв душ, тоже неспешно выходила во двор, чтобы забабакать свой фирменный омлет или что-нибудь не менее сытное. Ветер трепал ее мокрые волосы, а с виноградной лозы падали за шиворот муравьи.

Последнее обстоятельство особенно радовало Генриха, потому что он обычно завтракал насекомыми. Его Земноводное Высочество сидел у хозяйки на плече и уплетал падающих муравьишек. Он обожал, когда день начинался вот так спокойно, но Лилит Ханум не переносила монотонности и размеренности.

Вечно ее куда-то несло и увлекало. И Генрих, бормоча что-то насчет шила, находящегося в неудобосказуемом месте, тоже отправлялся в путешествия. Зато как он по окончании очередной поездки радовался возвращению в дом, уже ставший родным!

...По громкой связи объявили: «Уважаемые пассажиры, объявляется посадка на рейс “Стамбул – Шахина”».

– Ну наконец-то! – воскликнула Лилит Ханум, спешно допила остатки вина и сурово посмотрела на Генриха: – А ну давай, прикидывайся резиновой игрушкой с пищалкой.

– Опять! – Генрих возвел очи горе. – Ну сколько можно! Я странное, но вполне живое земноводное. И вообще, если ты меня поцелуешь, я превращусь в прекрасного принца.

– Корону поправь, слетит, – язвительно парировала Лилит. – Сто раз уже говорила, не надо мне этого ничего. Мужчин и так вокруг хватает, и каждый босяк считает, что он принц. А говорящая лягушка – это действительно круто. И потом, каким бы живым ты ни был, ты резиновый с пищалкой. И если я тебя поцелую, то превратишься – грех сказать! – в резинового бойфренда. И как мне с тобой путешествовать? Стыд и срам будет. Так что оставайся как есть и полезай в карман, принц ты мой ненаглядный.

– Ква! – сказал Генрих, потому что, как всякому мужчине (пусть даже лягушачьему), ему было необходимо сознавать, что он был прав и в споре с женщиной за ним осталось последнее слово, даже если пришлось лезть в карман и притворяться резиновой игрушкой, которую возят с собой, чтобы фоткать на фоне достопримечательностей. Он мститель-

но пощекотал лапой Лилит в районе талии, но та не обратила внимания на его невинную шалость.

Пассажиры, отбывающие к Кярманистан, выстроились в неровную шумную очередь. Тут были старухи в ярких платках, старики с пышными усами, молодые женщины в искусно разодранных джинсах, молодые мужчины в туфлях с длинными острыми носами; все они переговаривались, смеялись, шутили.

Дети дремали или хныкали на руках отцов и матерей, измученных долгим ожиданием рейса. «В следующий раз полечу Кярманскими авиалиниями!» – раздраженно выкрикнул кто-то на языке, который не был Лилит Ханум родным. Но все это – и пестрая толпа, и характерные лица, позы, жесты, – все это было такое родное и узнаваемое, что на душе потеплело. Все же странно было появиться на свет далеко от этих мест в далекой холодной стране, скитаться сорок с лишком лет по городам и весям и наконец-то вернуться домой. И постоянно туда возвращаться, чувствуя, как сердце теплеет и постепенно превращается в маленькое внутреннее солнце.

Глава вторая

Добро пожаловать в Кярманистан

Самолет плавно поднялся над облаками, которых в темноте не было видно. Полет предстоял недолгий, ибо от Стамбула до Шахины, столицы солнечного Кярманистана, при большом желании можно за сутки добраться на автомобиле. Лилит Ханум откинула голову на спинку кресла и моментально заснула. Она отличалась завидной способностью засыпать где угодно, невзирая на свет, шум и неподобающее для сна время. Ей случалось даже всласть выспаться в кресле дантиста, так что уж говорить о самолете. Генрих не спал, его любопытная мордочка слегка высовывалась из кармана хозяйкиного пиджака. Вылезать он не решался: в салоне было слишком много детей, которые могли бы утащить яркую игрушку. И поди им объясняй, что Генрих никакая на самом деле не игрушка, а заколдованный принц, по молодости сдуру разозливший колдунью. Расколдовать его мог, конечно же, поцелуй любви, но из-за его скверного характера никто в него за последнюю тысячу лет так и не влюбился. На Лилит Ханум он возлагал некоторые надежды, однако пока что они не оправдались.

Итак, пока главная героиня нашей повести мирно спит, пролетая над снежными вершинами гор, автор сего повествования ненадолго отвлечется и расскажет о стране, которую

Лилит Ханум, изрядно поскитавшись по миру, выбрала для своего постоянного места жительства.

Республика Кярдманистан, знаменитая своими виноградниками, приютилась в горах там, где Закавказье плавно переходит в Ближний Восток. Эта маленькая, но гордая страна за несколько тысяч лет своего существования бывала неоднократно завоевана, причем после каждого завоевания на несколько веков обретала независимость. Ею владели ассирийцы, вавилоняне, греки, римляне, персы, арабы, турки, потом – русские, что было предпочтительнее, потому что русские – христиане, а Кярдманистан – тоже христианская страна. Побыв в составе Российской империи и дождавшись революции 1917 года, Кярдманистан снова стал независимым государством, но в 1922 году пришла Красная Армия и сказала: «Даешь социализм!» Кярдманцы посопротивлялись, но силы были неравны, и пришлось дать загадочным русским их непонятный социализм. Так Кярдманистан стал одной из советских республик и до 1991 назывался Кярдманской ССР, а на его гербе красовалась гроздь винограда в обрамлении колосьев.

Не все кярдманцы были довольны новыми порядками, поэтому они с изящным коварством отомстили русским, застав в Кремль одного из шахинских уличных бандитов, который сделал головокружительную карьеру в коммунистической партии и стал знаменитым на весь мир диктатором, предварительно взяв себе русский псевдоним. Многие до

сих пор восхищаются им в России и в самом Кярдманистане, но наша повесть не об этом, автор старается держаться подалеже от политики. Так что вернемся к истории. В 1991 году Кярдманистан снова стал независимой парламентской республикой. Ввел свою валюту, кярдманский динар, учрежденный, кажется, еще в эпоху римского владычества. Как и многие бывшие республики СССР, страна прошла период хаоса и гражданских войн, но он благополучно завершился, и настала мирная, спокойная, хотя и не очень богатая жизнь.

Вот уже несколько сотен лет столицей Кярдманистана является город Шахина, основанный еще в допотопные времена. Многие ошибочно полагают, что своим названием он обязан иранским шахам, наместники которых проживали здесь несколько веков, но это абсолютно неверно. Название «Шахина» переводится с нашего языка как «горячий» и было дано в честь горячих источников с адским запахом тухлых яиц, которые и по сей день хлещут из-под земли в центре города. Еще в древности на этих источниках существовали серные бани, которые сохранились и в наши дни, так что если любезный читатель задумает посетить Шахину, то ему непременно следует зайти попариться. Впрочем, оставим право рассказывать о достопримечательностях древней Шахины турагентствам и гидам. Скажем только, что город этот прекрасен и кто не бывал в Шахине, тот зря прожил жизнь. Что до Лилит Ханум, так у нее всегда была на это присказка: «Шахинские чинары красивее парижских платанов».

нов». А уж она-то в Париже бывала часто!

Населяют Кярманистан, помимо самих кярманцев, представители практически всех народов Востока: армяне, грузины, ассирийцы, греки, турки и азербайджанцы, персы, курды, евреи. В последние годы из-за войн в Сирии и Ираке в Шахине стало много арабов, они даже заселили целую улицу, которая в советское время носила имя Энгельса. После провозглашения независимости улицу переименовали, но имя кярманского писателя, в честь которого она теперь называлась, было длинным и звучало как скороговорка, поэтому в народе ее иногда называли «Арабской улицей». Ну и, конечно, в Шахине было много русских, хотя Россия и Кярманистан находились в состоянии вялотекущего конфликта, который однажды даже перерос в страшную, но, к счастью, недолгую войну. Впрочем, большинство здравомыслящих людей прекрасно понимало, что все эти конфликты не должны мешать дружбе людей: политики вечно мутят воду, меряются, у кого дула орудий больше, как будто им делать больше нечего. Кярманцы и русские всегда дружили, и именно эта дружба привела к тому, что на свет появилась Лилит Ханум.

Глава третья

Как и зачем Лилит

Ханум появилась на свет

Когда сорок пять лет назад наверху распределяли души, чтобы вселить их в новорожденных младенцев, что-то пошло не так. Иначе как ошибкой аиста невозможно было объяснить рождение Лилит в столь неподходящем для ее души месте. Душа была заточена под зной и южную негу, под шумные пыльные улицы, под неспешные разговоры за чашкой кофе в тени виноградных лоз и все такое, а вселилась она в младенца, появившегося в разгар зимы в занесенной снегом Москве. Родившись, девочка сразу закричала, что было истолковано как признак здоровья, хотя на самом деле то был крик возмущения и отчаяния. Поскольку новорожденная не умела тогда еще выражаться ни на одном языке, то вместо: «Что же вы, обезьяньи дети, наделали и куда вы меня отправили?! Да будьте вы прокляты, чтобы вам провалиться в преисподнюю с кривого моста!» – ей пришлось закричать: «Уаааааааа!!!!» Впрочем, на то, чтобы выучить русский язык, у нее ушло не так уж много времени. Уже в два года она начала говорить целыми фразами, а в три поражала родственников и знакомых книжной, даже наукообразной манерой изъясняться. С тех пор она не переставала учить

языки, это было весело и интересно, а также отвлекало от ощущения того, что родиться пришлось не там и не тогда.

Надо сказать, несостыковки начались задолго до ее рождения. Ее отец был ассириец, сын иранского подданного, чья семья прибыла из Ирана в качестве беженцев в Российскую империю в последние годы XIX века. Семья осела в Шахине и сохранила иранское гражданство. И хотя у отца Лилит был советский паспорт, он был сыном иностранца, а в советское время это... Ну, сами понимаете, если помните. Для тех, кто не застал, скажу так: иностранных граждан принято было считать шпионами. Сын иранского подданного поехал учиться из Шахины в Москву, там встретился с русской девушкой и решил на ней жениться. Само по себе событие весьма заурядное, многие кярманские мужчины женятся на русских, да вот какая вышла неувязочка: отец девушки работал в тех самых органах, которые наводили страх не только на иностранных подданных. И как на грех занимался он именно ловлей шпионов. Вроде даже кого-то поймал, но об этом говорить было нельзя, ибо орел доблести и змея коварства в этом ремесле неизбежно соседствовали с грифом секретности.

Как бы то ни было, иногда Лилит Ханум даже жалела, что родилась в положенное время после свадьбы и не имела возможности увидеть, с какими лицами оба ее деда впервые обменялись приветствиями. Говорят, зрелище было не для слабонервных.

Разумеется, ее угораздило уродиться в иранскую родню: смуглая, яркая, с огромными выразительными глазами, она совершенно не была похожа на русских предков. Всю жизнь всем своим видом, а также ассирийской фамилией (каковую я упоминать здесь не буду, дабы не возмутились все представители этой почтенной семьи) она напоминала русскому деду о том, что среди родни завелись подозрительные иностранцы. Вдобавок ко всему и имя у нее было для русской семьи необычное.

Об имени надо сказать особо, потому что хоть и говорят, что не имя красит человека, а совсем наоборот, не надо недооценивать силу имен: каждое из них что-то значит и тянется за ним целая история.

В момент рождения нашей героини ее ассирийский дед был в Москве и решил помочь молодой матери, сопроводив в ЗАГС, где надлежало регистрировать младенца. Мать хотела назвать дочку Татьяной в честь героини «Евгения Онегина», ибо она была без ума от русской классической литературы. Но не успела она открыть рот, как дед, слышавший даже по кярманским меркам большим чудачком, сказал:

– Девочку будут звать Лилит.

– Может быть, Лилия? – осторожно предложила работница ЗАГСа, немолодая женщина с изможденным лицом в облаке вытравленных перекисью бровок.

– Нет, Лилит! Лилит!! Лилит!!! – трижды воскликнул дед так грозно, что никто не посмел ему возразить. Беда в том,

что имя это было громко выкрикнуто три раза подряд, и дед невольно произнес древнее месопотамское заклинание, вызывающее ту самую Лилит, могучего демона ночи. Чернила, которыми служащая ЗАГСа вписывала имя девочки в свидетельство о рождении (тогда, в начале семидесятых, в конторах и на почтах еще писали самыми настоящими чернилами!), вдруг закипели и запузырились. Пергидрольная блондинка охнула и выронила вечное перо. Имя Лилит вспыхнуло огнем.

Малышка распахнула огромные глаза, и все, что есть в ночном небе и на ночной земле – свет звезд, дрожание Млечного пути, крики сов, кваканье лягушек, плеск рыбы в реке, шуршание тростника, ветер, шевелящий виноградные листья, стоны влюбленных, – все это оказалось внутри нее.

Чернила погасли, и работница ЗАГСа решила, что все это ей померещилось. В СССР в чудеса не верили, и сцена, достойная детского фильма для передачи «В гостях у сказки», в реальной жизни, конечно, произойти никак не могла. А вот некачественные чернила вполне могли существовать.

Дед же отнесся к происходящему со всей серьезностью, потому что он не был советским человеком и в сказки очень даже верил. Он понял, что натворил, но никому об этом говорить не стал, смекнув, что его тогда будут считать не просто чудаковатым, а чокнутым и, чего доброго, отвезут в психиатрическую лечебницу, куда ему совершенно не хотелось.

Растерянная молодая мать получила на руки свидетель-

ство о рождении с совершенно непонятным для русского человека именем. «Ну ладно, – вздохнула она. – Будет Лилечка...»

Надо ли говорить, что с самого начала за Лилечкой стали замечать странности? Мало кто мог выносить ее пристальный взгляд, и она приучилась смотреть в глаза украдкой. Ей неинтересны были детские игры и все, что связано с детьми. Она будто сразу родилась взрослой. Ей, как и многим детям, нравились сказки, но вкусы у нее были своеобразные. Ей читали вслух Андерсена, но ни «Снежная королева», ни «Дюймовочка» не увлекали ее. А вот совершенно не детская сказка «Новое платье короля» приводила ее в восторг. Ибо уже тогда ее тянуло смеяться над глупостью и самоуверенностью взрослых и над абсурдностью окружающей жизни. Но еще интереснее было читать научно-популярную литературу, наблюдать за миром и познавать его законы.

Надо ли говорить, что везде эта тихая странная девочка была изгоем? Дети таких не любят, взрослые не знают, что с такими делать. Автор не хочет делать свою повесть печальной, поэтому рассказа о непростом детстве и юности Лилит здесь не будет. Скажем только, что учеба ей давалась легко, она окончила два университета и защитила диссертацию. Она была независимой, в девятнадцать лет уехала из родительского дома на крайний запад Европы, в двадцать один вернулась в Россию и неудачно вышла замуж, родила дочь, развелась, как и многие ее ровесницы, чья юность пришлась

на девяностые. Она растила дочь, зарабатывала деньги, ездила по миру и долго искала место, которое могло бы стать ее домом. В Шахине у нее были родственники по отцу, и потому, как только дочери исполнилось восемнадцать, Лилечка, к тому времени уже Лилит Ханум, солидная, хотя и эксцентричная дама, перебралась в благословенную столицу Кярманистана, где купила уютную виллу в ассирийской деревне, о которой мы расскажем в следующих главах. Но перед этим необходимо разъяснить, что за демона случайно призвал ассирийский дед в московском ЗАГСе.

Глава четвертая

Сказка о Лилит

Всем верующим во единого Бога из священных книг известно, что первым человеком был Адам и женой его была Хава, которую европейцы называют Евой. Это истинная правда.

Однако некоторые рассказывают, будто Хава была второй женой Адама. Да не оскорбятся верующие: это всего лишь сказка, а в сказках вечно все шиворот-навыворот. Мне эту неправдивую историю рассказывали вот как.

Когда Творец решил, что Адаму необходима спутница, он сотворил из глины второго человека и вдохнул в этого человека душу. Это была первая на свете женщина, смуглая, черноволосая, сильная и умная. Ее глаза были глубокими, как ночное небо и звали ее Лилит – «ночь». Первое время Адам и Лилит жили душа в душу. Им было о чем поговорить днем, а вечером они смотрели на звезды, купались, засыпали, нежно обняв друг друга. Лилит все было интересно в этом мире, она пыталась проникнуть в суть вещей, она слагала стихи и песни. Первое время это очень нравилось Адаму, но потом его это стало раздражать. Он смотрел на Творца, на то, как все – от мелкой букашки до ангела небесного – восхищаются им и преклоняются перед ним. Захотелось Адаму, чтобы и жена смотрела на него как на божество. Но для Лилит он

был другом и возлюбленным, а стало быть – равным. Адам долго думал, как бы сделать так, чтобы жена начала его обожать, а себя считать едва-едва достойной такого прекрасного мужчины, и вот что придумал. Как-то утром Лилит нагнулась над ручьем, чтобы набрать в горсть воды для питья.

– Ой, да у тебя грудь отвисла, и живот стал дряблым! – воскликнул Адам.

Лилит долго вглядывалась в свое отражение, и ей и вправду показалось, что она не так хороша, как прежде. Она загрустила и задумалась. Адам заметил это и каждый день стал говорить ей что-то такое, от чего она начала сомневаться в себе. В конце концов Лилит поняла, что Адам нарочно дразнит ее. Она и так и сяк пыталась ему угодить, но тот только распалялся и каждый раз говорил еще более обидные вещи. А однажды и вовсе заявил: «Ты женщина, ты не должна разевать свой рот, твое дело слушать меня и подчиняться мне!» Сколько ни пыталась объяснить Лилит, что Господь создал ее таким же человеком, как и сам Адам, все было бесполезно. Ко всему прочему по ночам Адам уже не обнимал ее, потому что сам себя убедил, что жена его – ничтожество и уродина.

Лилит долго плакала, долго раздумывала и наконец решилась на отчаянный шаг. Она отрастила себе большие черные крылья и улетела от Адама. Тот проснулся, а жены нет. Вот так вместо того, чтобы сделать ее покорной, он обрек себя на одиночество. Заплакал Адам и побежал жаловаться Господу.

Рассказал он ему, конечно, свою версию истории. Совсем-де жена от рук отбилась, ни во что его, бедного, не ставила, ночью от него отворачивалась и допекла своими придирками. Ну и вообще слишком умная была, надо было сделать жену поглупее, чтобы он, Адам, на ее фоне был бы просто свет учености. То ли Господу некогда было разбираться, то ли он проявил мужскую солидарность, а только он стал на сторону Адама и послал в погоню за Лилит двух своих ангелов, вооруженных до зубов. Те схватили Лилит, когда она пролетала над морем, и доставили обратно, едва не утопив по ходу дела. Скандал вышел на весь Рай.

Адаму как невинно пострадавшему была сделана из ребра новая жена, милая белокурая Хава, добрая и нежная, но немного наивная. Она слушалась мужа, слушалась всех зверушек, с которыми беседовала, а однажды увидела на дереве симпатичную пеструю змейку и заговорила с ней. Что было дальше, известно всем.

Но мало кому известно, что стало с Лилит. В наказание за неповиновение и самовольный развод она была превращена в ночного демона, летающего на совиных крыльях. Говорят, она мудра и осмотрительна и никто не видел ее днем. Одни считают, что она опасна, особенно для неженатых юношей, которым по ночам является в греховных снах и похищает их семья, чтобы рожать от них детей. Другие, напротив, считают, что она оберегает молодых матерей и младенцев и помогает людям в делах, связанных с продолжением рода. При этом

никому не известно, что бывает, если вызвать этого демона. А уж что будет, если призвать ее троекратно и одновременно написать ее имя огненными чернилами – и подавно тайна из тайн. Об этом знает только один человек – Лилит Ханум, но даже у нее пока что не вышло толком объяснить, что же с ней тогда произошло.

Глава пятая

Ассирийская деревня

Итак, пока я рассказывала вам сказку, самолет перелетел через горы и начал снижаться. У Генриха заложило слуховые отверстия, он заворочался в кармане и стал лягать хозяйку упругими задними лапками:

– Соня, хорош дрыхнуть! Посадку проспишь.

– Я не Соня, я Лиля, бабник ты эдакий! – пробурчала Лилит, не сообразив спросонья, кому принадлежит мужской голос.

– Очень остроумно. Нет бы поблагодарить за то, что разбудил... – начал было Генрих, но тут по громкой связи раздалось: «Дамы и господа, через несколько минут наш самолет совершит посадку в Шахине».

– Слюни глотай, чтобы уши не закладывало, – скомандовала Лилит Ханум. Генрих что-то бормотал об отсутствии у него ушей, но хозяйка его не слушала.

Не буду утомлять тебя, любезный читатель, описанием того, как самолет приземлился и как пассажиры проходили паспортный контроль и получали багаж. Расскажу лучше более подробно о том, как и почему Лилит Ханум перебралась в Шахину и обосновалась там.

Историю надобно начать издалека, вернувшись в конец девятнадцатого столетия, когда предки почтенного отца Ли-

лит еще жили в Персии, неподалеку от соленого озера Урмия. По семейному преданию, у них был добротный двухэтажный дом, фруктовый сад и обширные виноградники. Были они людьми уважаемыми и образованными, среди представителей их рода были лица духовного звания. К тому же, судя по старым фото, все они отличались яркой красотой. Жили они в мире и неустанном труде, женились, у них рождалось много детей. В общем, как в любой легенде, в том числе семейной, все начинается с добрых старых времен, когда все было хорошо и правильно. Все жили дружно, никогда не ругались, по воскресеньям вся семья ходила в церковь, супруги были верны друг другу, дети слушались родителей, а взрослые уважали и почитали стариков. (У автора есть некоторые сомнения насчет того, что за много веков истории рода никто ни с кем ни разу не поругался, но долг рассказчика – донести предание в том виде, в котором оно было услышано.)

В общем, все было прекрасно, пока не пришли враги. Собственно, дело к тому шло давно, христианам на Ближнем Востоке жилось трудно. В один совершенно не прекрасный день началась очередная маленькая резня, предвестие большой, которая разразится лет на двадцать позже. На рассвете в селение ворвались вооруженные до зубов... нет, мы не будем называть ни их национальность, ни вероисповедание, ибо среди представителей каждого народа найдутся убийцы и бандиты. В нашем случае дело осложнялось тем, что кро-

вожадным разбойникам местное правительство дало добро на разграбление христианских селений. Силы были неравны, и, прихватив все самое ценное, многие ассирийцы бежали. Так, прабабушка и прадедушка Лилит вместе со старшими детьми отправились пешком в Кярманистан. Путь их был долгим и трудным, дорога шла горными перевалами, где не было ни родников, ни растений. Им пришлось долго идти по красной пыли и камням, не видя человеческого жилья, не встречая никакой помощи. Только сухие скалы, зной и белесое небо над головой.

Этот марсианский пейзаж Лилит Ханум наблюдала из окна автобуса, проделывая тот же путь в обратном направлении, когда из любопытства решила навестить родину предков. Путь из Шахины до Урмии занял ровно сутки, и, несмотря на комфортабельность современного автобуса, Лилит изрядно устала. Сколько шли пешком ее предки, пока не добрались до Шахины, столицы Кярманской губернии Российской империи, – трудно представить. Немудрено, что в дороге умерла от истощения одна из их дочерей.

Как бы то ни было, семья спаслась и попросила убежища в Шахине, где уже образовалась к тому времени дружная ассирийская община. Российская империя принимала христианских беженцев охотно, тем более что приходили они не с пустыми руками. Предки Лилит, по семейной легенде, привезли с собой целое сокровище. В ту пору на Востоке главной валютой было золото.

Не смейтесь над восточными женщинами, которые и в наши дни увешивают себя с головы до ног золотыми украшениями. Страсть к золоту не раз спасала жизнь их детям. Как бы ни ворчали мужчины, но золотые украшения для их жен никогда не были только побрякушками, знаками мужского расположения: в случае смерти кормильца и женщина, и ее дети могли какое-то время существовать в относительном достатке, продавая золотые украшения. Золота и драгоценных камней, прихваченных предками Лилит из Персии, оказалось достаточно для того, чтобы построить кирпичный завод. Дело было прибыльное: разбогатевшие на бакинской нефти армянские предприниматели в начале двадцатого века занялись строительством: один за другим на крутых улицах Шахины возникали причудливые здания в стиле модерн, сложенные из кирпичей с завода прадеда Лилит. Вскоре и сам прадед стал нанимать бригады строителей и возводить доходные дома. С его смекалкой и практической хваткой – кто знает? – он мог бы со временем стать богачом, но после 1917 года жизнь начала меняться не в самую благоприятную для деловых людей сторону. Кончилось все тем, что прадедушкин завод национализировали, и это было более чем обидно, особенно для человека, который уже однажды потерял свой дом, сад и виноград.

На этом семейная легенда кончалась, и начинались факты, подтверждаемые документами. Однако неясным осталось одно: все ли золото, все ли драгоценные камни были

вложены в предпринимательство, или сохранился какой-то запас на очередной черный день? И если да, спрашивали себя потомки, то где же спрятаны сокровища? Банкам и ценным бумагам прадедушка не очень-то доверял, как и многие люди его поколения. Кто-то из его детей пустил слух, что сокровища сложены в сундук и закопаны в землю, но где находится клад – никто не знает. Никакой карты наподобие тех, которые рисуют пираты из приключенческих романов, в семейных архивах не было. В Шахине подрастало уже пятое поколение потомков персидских беженцев, но еще никому из обширной семьи не удалось обнаружить сокровище предков.

Надо сказать, что и Лилит Ханум была бы не прочь найти клад, но жила первое время далековато. Переехав в Шахину, за разными повседневными заботами она позабыла всю эту историю и вспомнила о ней только тогда, когда стало понятно, что на отделку нового дома денег катастрофически не хватает. То есть поначалу-то их хватало, а потом они как-то кончились. Вот тут сокровище и пришлось бы очень кстати, только непонятно было, где и как его искать. Версии родственников расходились во всем, кроме одного: среди предметов, вывезенных из Урмии, имелось нечто очень и очень ценное, настолько ценное, что сам предмет никто не называл вслух. Но раз уж найти клад не светит, Лилит Ханум вздохнула и принялась за работу, откладывая часть денег на новую стадию отделки дома.

Однако вернемся к семейной истории. В Шахине, как и в любой уважающей себя столице, были этнические кварталы. Был большой армянский район, был азербайджанский, несколько еврейских улиц – и так далее. Ассирийцы же селились на высокой горе, откуда было видно как на ладони всю Шахину. Вот уже более ста лет строили они там свои дома и разводили сады, сохраняя тот же самый уклад, что привычен был им в Персии и Турции. Лабиринт извилистых улиц, резко взбегающих по крутому горному склону, приводил к старому кладбищу, где покоились предки Лилит, в том числе и давший ей имя чудаковатый дед. По стечению абсолютно неправдоподобных обстоятельств именно на той самой улице, что кончалась тупиком и упиралась в ту часть кладбища, где находились эти самые могилы, Лилит и купила дом с садом и виноградом, примерную копию того, что был у ее предков в Персии. Причем купила она этот дом у соплеменников тех самых бандитов, что прогнали ее прадеда и прабабку из Ирана, а спустя несколько десятилетий и сами перебрались в Кярманистан. Возможно, их, в свою очередь, выгнал из Персии кто-то еще. Говорят, такие совпадения бывают только в плохих романах, но я не считаю себя хорошим писателем и искренне надеюсь на снисхождение читателя. Впрочем, рассказ о встрече потомка гонимых с потомками гонителей и покупке дома заслуживает отдельной главы.

Глава шестая

Как Лилит искала дом

О доме она мечтала с детства. Она слушала рассказы о сказочной стране под названием Урмия, где долгое лето и мягкая зима, где весной с гор сбегают бурные потоки, а равнины покрываются ковром из цветов. Рассказы о том, что у полулегендарного прадедушки были дом, сад и виноград, звучали нечасто (в советское время все эти иранские истории предпочитали не вспоминать), но умудрились-таки запастись в душу маленькой Лилит. У нее было четкое ощущение того, что вот это все и есть нормальная жизнь. А квартира в хрущевке, где человек высокого роста может достать рукой до потолка, – это ненормально. Отсутствие солнца по нескольку дней, а то и недель – тоже ненормально. Мороз и солнце – еще куда ни шло, даже если за окном минус сорок, но дождь и слякоть – вот за это дурацкому аисту, который ошибся с доставкой, надо бы завязать его длинную шею морским узлом. И этому аисту очень повезло, что он всего лишь фигура речи.

В общем, с самого начала было понятно: это ненормальная жизнь и ненормальные условия. Люди вокруг тоже были какие-то странные. У них были белые лица, а у всех детей – странные волосы желтого и льняного цвета. Лилит это очень пугало. В зеркале она видела лицо нормального коричневого

цвета, который окружающие почему-то называли смуглым. Точно такие же нормального цвета лица и черные волосы были у кярманских кузенов, приезжавших в Москву погостить. Но в Москве в те времена такая нормальность была большой редкостью.

Самый настоящий экзистенциальный ужас маленькая Лилит испытала в первый день пребывания в детском саду, когда на нее понеслась орава детей с белыми лицами, светлыми глазами и белыми-желтыми волосами. Столько бесцветных существ сразу она до того никогда не видела и объяснения этому явлению долго найти не могла.

Ее спасением всегда были книги. И вот однажды в детсадовской библиотечке ей попала в руки гениальная книга, которая все расставила по своим местам. Называлась она «Петух и Краски», а автор ее, Владимир Сутеев, по всей видимости, проник в тайны бытия и решил поделиться с юными читателями сокровенным знанием. Начиналась сия мудрая притча так:

«Нарисовал Вова Петуха, а раскрасить-то его и забыл. Пошел петух гулять.

– Что ты ходишь такой нераскрашенный? – удивилась Собака...»

Прочтя сии мудрые строки, пятилетняя Лилит воскликнула: «О!», ибо прибавить к этому было нечего. Творец создал целые народы, а раскрасить-то их и забыл! Хорошо еще, на Лилит краски хватило. А русские так и ходят нераскра-

шенные. И переживают, небось. Петуха в конце сказки все же раскрасили, что настроило маленькую Лилит на оптимистичный лад. Но белые люди у нее на протяжении всей жизни вызывали смесь недоверия с жалостью.

Яркому человеку приходилось жить в тусклом нераскрашенном мире. Однако существовала лазейка в другой мир, наполненный сочными красками, запахом пряностей, пестрыми коврами и расписными кувшинами, ароматным вином и кисло-сладкими фруктами. Лазейка находилась в аэропорту Внуково, откуда можно было улететь в столицу Кярманской ССР. Это был тот самый запасной аэродром, которым Лилит Ханум и воспользовалась через много лет, когда стало понятно, что ее материнская задача выполнена.

Дочь Лилит Ханум была совершенно обыкновенной хорошей девочкой с совершенно обыкновенным именем Людмила. Милочка была умной, красивой и практичной. Но, несмотря на то, что эта юная особа заслуживает всяческих похвал, и только их, у нее приключилась такая гадость, как подростковый возраст. Пережить этот возраст и не прибить ребенка – вот нелегкая задача, которую каждое поколение родителей решает с переменным успехом и периодическими фиаско. Лилит Ханум в минуты гнева говорила себе успокоения ради, что довольно глупо носить ребенка девять месяцев, рожать несколько долгих часов, кормить грудью целый год и растить еще много лет, чтобы вот так просто взять и прибить под горячую руку. Тем более что прибить хочется

именно за те недостатки, которые дочка от нее, от матери, и унаследовала. Это все равно что за свою кривую рожу разбить зеркало.

В какой-то момент атмосфера в доме накалилась настолько, что дочь возопила: «С тобой жить невозможно, я не хочу больше тебя видеть каждый день!» Лилит воскликнула: «О! Круто!» – и подумала, что в кои-то веки ее и дочерины желания совпали. Она собрала чемоданы, купила билет до Шахины, где как раз только что отгремела очередная война, и отправилась в гости к кузине Ашурине, строго-настрого наказав дочери регулярно прибираться в квартире и поливать цветы.

Дело в том, что, даже прожив почти всю жизнь в России, Лилит так и не освоила любимый русскими жанр долгих разговоров и выяснений отношений. Она предпочитала поступки и очень часто вместо того, чтобы, как принято, развести достоевщину, говорила только: «О!» и тут же приступала к действиям, чем весьма обескураживала собеседника. Особенно это выводило из равновесия мужчин, которые уже настраивались на сцены, монологи и предвкушали, как сделают козью морду и проедят сквозь зубы: «Вот вечно вы, женщины...», отлично зная, что после разговора все пойдет по старым рельсам. Но Лилит Ханум с воплем: «О!» – переводила стрелки, и ее паровоз мчался вперед навстречу новым приключениям, а обескураженный мужчина только и мог, что смотреть вслед и махать платочком на перроне.

Шахинские кузены были рады приезду московской гостыи. Ашурина приготовила обед, сделавший бы честь любому шеф-повару. Готовка была ее страстным увлечением, все свободное от работы в одном из шахинских банков время она посвящала выпечке и украшению тортов, изготовлению домашних колбасок – и прочая, и прочая. Находиться у нее в доме было одновременно и приятно, и опасно для фигуры. Лилит обожала Ашурину не только за готовку, но и за ее умение выразить свои мысли четко, емко, прямо и без обиняков. Вообще манеру общения шахинских кузенов можно было описать одним словом – антидостоевщина.

Точно так же, как и Лилит, Ашурина вышла замуж в юности и по большой любви, родила двух красавцев-сыночек, муж загулял, она развелась. Забавно, именно по такому сценарию шла жизнь у всех без исключения кузин Лилит, что наводило на мысль о том, что это у них семейное. Впрочем, если хорошенько повертеть головой и посмотреть на подруг-ровесниц, можно было убедиться: это семейное не только у них.

Как-то вечером сразу несколько кузин и тетушка Далиля, дородная дама лет семидесяти, чинно сидели за столом и попивали кофе, заедая его немислимо вкусными Ашуриниными эклерами. Они рассказывали друг другу смешные истории из жизни родственников и соседей, периодически хохоча так, что в сервантах и необъятных книжных шкафах подрагивали стекла. В какой-то момент тетя Далиля отставила

чашку, посмотрела на младшее поколение и изрекла:

– А здорово было бы, если бы Лиля купила квартиру где-нибудь тут по соседству. Вот представьте, пили бы мы так кофе каждые выходные, все время смеялись бы...

– О!!! – воскликнули все кузины хором.

Больше слов не потребовалось, нужны были только действия. Вернувшись в Москву, Лилит Ханум объявила дочери, что, как только той исполнится восемнадцать, они продадут их общую квартиру. Дочери купят квартиру где-нибудь в Москве, а мать сможет осуществить свою давнюю мечту и купить себе... нет, не квартиру, а дом, сад и виноград. Обе они смогут дружить на расстоянии и выносить мозг другим людям, неродным и которых не жалко. Продать квартиру в Москве, около метро да с умением Лилит Ханум упирать руки в боки и торговаться виртуозно и артистично, можно было задорого. Так и сделали. Дочка стала хозяйкой девичье-холостяцкой однушки в престижном районе, а Лилит отправилась на поиски дома своей мечты.

Мечта была такой сильной и страстной, что Лилит часто рисовала этот дом. Рисовала она так себе, но выходила вполне понятная картина: горы, солнце, виноградные лозы, плодовые деревья, дом и Смерть. Почему на рисунках неизбежно возникала Смерть, Лилит не знала. Смерть была в человеческом облике и даже немного симпатичная. Лилит догадывалась, что это должно было что-то означать, но пока не знала что.

Итак, Лилит приступила к поискам дома мечты. Ашурина очень беспокоилась за московскую кухню: как бы строго ни соблюдались законы в постсоветском Кярманистане, но люди везде одинаковы: не обманешь – не продашь. Поэтому она попросила о помощи знакомого юриста Нателлу. Нателла, степенная пышногрудая красавица-грузинка, излучала уверенность и доброжелательность, при этом достаточно было одного взгляда на нее, чтобы понять: все хитрости и уловки продавцов она видит насквозь, будто в ее глазах спрятался рентгеновский аппарат. Она уберегла Лилит от одной мутной сделки, но со второй попытки покупка удалась. Вот как это было.

Глава седьмая

Как Лилит покупала дом

Месяц, отведенный на поиски дома, подходил к концу, но все дома, которые посмотрела Лилит, были с изъяном: один заложен за долги и не один раз, а дважды, другой – слишком старый, переживший так много землетрясений, что неизвестно, сколько в стенах под новенькой штукатуркой трещин, третий – слишком близко к реке, по берегам которой раскинулся город (бывали наводнения) – и так далее, и тому подобное. Уже четыре недели Лилит жила у Ашурины, создавая ей массу бытовых неудобств, которые гостеприимная кухня переносила стоически.

Когда до отъезда в Москву оставалось всего три дня, Лилит совсем раскисла. Ничего-то из ее затеи не вышло. Впереди была неизвестность и – страшно сказать! – неясно насколько затягивающаяся бездомность. В воскресенье Лилит отправилась в церковь, не особенно надеясь, что Всевышний возьмет на себя разруливание ее дел, ибо у него, скорее всего, имелись заботы поважнее. Однако она страстно помолилась о том, чтобы искомый дом поскорее нашелся.

После литургии все прихожане ассирийской церкви (к какой из многочисленных конфессий она принадлежала – не столь важно) собрались на трапезу. Лилит пила чай с весьма скорбным выражением лица, и собравшиеся за столом жен-

щины поинтересовались, не случилось ли чего. Лилит поведала им о своей печали, и тут же выискалась одна, у которой соседи уже сколько времени все продавали и продавали дом, а продать так и не смогли. Эта женщина клялась, что у дома нет никакого подвоха, что он абсолютно новый, без всякой отделки, да к тому же сейсмоустойчивый. Что строили его не на продажу, а для себя, но вот обстоятельства повернулись так, что пожилые хозяева срочно должны переехать к детям в Россию.

В тот же вечер состоялась встреча с продавцами. Только на подходе к красивым серым воротам с белой полосой прихожанка призналась Лилит, что маааленький подвох все-таки имелся: хозяева дома являются соплеменниками, а возможно, и прямыми потомками тех самых сомнительных личностей, что прогнали предков Лилит из Ирана.

– Буду торговаться как никогда! – только и сказала Лилит Ханум, человек отнюдь не мягкий, но по натуре не агрессор.

Позвонили в звонок. Дверь открыли двое – пожилой, но черноусый дядя Джафар и тетя Гуля в платке и пуховой накидке. Они очень скептически осмотрели московскую гостью с головы до ног, но впустили в дом. Дом представлял собой бетонную коробку, то, что на местном варианте русского называли «черный каркас». Из обжитой территории имелись только спальня с ядовито-розовыми стенами (от этого цвета у Лилит с непривычки случился приступ морской болезни) и пластмассовыми, выкрашенными под золото карнизами на

окнах и неожиданно со вкусом отделанный санузел. Во дворе обнаружили еще один санузел и летняя кухня, также вполне завершенные. А вот остальные три комнаты и лестница между этажами (один этаж со двора был первым, но из-за горного рельефа быстро становился вторым, а другой начинался полуподвалом, а потом непринужденно выходил в сад) нуждались в полном цикле отделочных работ.

Дядя Джафар со всем артистизмом, присущим народам Ближнего Востока, расписывал достоинства дома, тряс документацией, воздевал руки к небу, прижимал их к сердцу, сетуя на то, что надеялся прожить остаток жизни в этих стенах, но вот такие вот обстоятельства... Тетя Гуля утирала слезы кончиком платка – так не хотелось ей расставаться с домом, но – ах! – решение мужа закон... Лилит Ханум наслаждалась спектаклем, внимала, кивала, охала, вздыхала и возражала одной и той же фразой:

– Это все так, но дом-то без отделки! Да и денег у меня не так уж много, на что ремонт делать?

Многочисленные повторения в сочетании с упорно отстаиваемой ценой возымели действие: они сторговались, но продавцы почему-то решили, что у москвички денег завались и она кривит душой.

Надо сказать, что в Кярманистане о Москве имелось весьма странное представление. Тут считали, что в Москве живут одни миллионеры да миллиардеры и если кто-то из москвичей не попал в списки богачей Форбс, то это либо младе-

нец, либо вечно беременная домохозяйка, у которой уж муж-то непременно сказочно богат. Заявить, что в Москве имеются бедные, означало насмешить собеседника до остановки сердца.

Этот странный миф отчасти поддерживался усилиями кярманцев, уехавших в Москву на заработки и явно преувеличивавших собственные и чужие достижения. Поэтому слова о том, что у москвича количество денег на банковском счету может быть не бесконечно, многим жителям Шахины, в том числе и почтенным хозяевам продаваемого дома, казались дичью. Уж как они себе это представляли, я не знаю, видимо, воображали, что, лежа на банковском счету, купюры совокупаются и размножаются с быстротой кроликов или мечут икру мелкой монетой.

Как бы то ни было, но по рукам они ударили, весьма недоверчиво поглядывая друг на друга.

Вечером Лилит сообщила Нателлу о том, что дом найден. Нателла устроила тотальную проверку и выяснила, что с юридической точки зрения дом чист и можно покупать. Через неделю Лилит снова была в Шахине с московскими деньгами. Был назначен день сделки, которую юрист и нотариус запомнили надолго.

Сделку для удобства заключали в главном отделении банка, где работали Ашурина и Нателла. Это было современное здание с огромными окнами, стены и пол были отделаны светлым мрамором. Мигали цифры на табло электронной

очереди, на плазменных экранах крутили упоительной красоты ролики, все блестело и переливалось. Туда-сюда с деловитым видом сновали стройные женщины в элегантных костюмах: шелковые шейные платки, наглухо, по-зимнему, застегнутые пиджаки, цокающие каблуки... Лилит Ханум для такого торжественного случая тоже надела каблуки, строгую юбку, бархатный пиджак и шелковый шейный платок и даже сделала серьезное выражение лица, что обычно ей давалось нелегко.

Она немного нервничала: дело в том, что вечером перед сделкой продавцы неожиданно стали капризничать, переживать, что продешевили, что с москвички можно было содрать и побольше... Но это все было в деревне на горе, где они сидели приосанившись, а Лилит представала перед ними не в самом элегантном виде, в джинсах и свитере, как обычно на просмотрах частных домов в период зимних дождей. А уж как верна поговорка «по одежке встречают» – она за свою жизнь убеждалась неоднократно. «Обстановка в банке должна подействовать», – думала она, быстро-быстро перебирая любимые четки.

Ее расчет оправдался: войдя в сей блистательный храм золотого тельца, пожилая пара оробела. Дядя Джафар весьма ненатурально изображал небрежность, а тетя Гуля застенчиво теребила платок. В своей простой и не очень уместной на фоне стекла и мрамора одежде они были здесь как осколок былой эпохи, давно ушедшей в прошлое цивилизации, так

что и Лилит и Нателла даже пожалели их и бережно препроводили к нотариусу.

Нотариус, солидная дама лет пятидесяти в строгом черном платье и в очках с черной оправой, ни к кому жалостью не прониклась. Она сразу поняла, что сделка будет простой, вздохнула и распечатала договор купли-продажи на двух языках – кярманском и русском. Лилит углубилась в чтение. Но сосредоточиться ей не удалось: раздался возмущенный вопль дяди Джафара:

– Зачем вы все это мне дали, я же неграмотный! Я не умею читать ни по-кярмански, ни по-русски, ни по-каковски!

Воцарилось общее молчание. Нотариус и юрист на всякий случай посмотрели на календарь, чтобы проверить, какой нынче год и век. Согласно календарю, на дворе стояло начало двадцать первого века, эпохи, когда в Кярманистане была поголовная грамотность.

Дядя Джафар отшвырнул договор со словами:

– Я не знаю, что вы тут для нее понаписали, она платит за сделку, а значит, тут все в ее пользу написано! Я ничего себе в ущерб не подпишу!

Тетя Гуля согласно кивнула.

Нателла осторожно поманила пальцем Лилит Ханум, и они вышли за дверь кабинета нотариуса.

– В чем дело? – спросила Нателла. – Они расхотели продавать дом?

– Не думаю, – ответила Лилит. – Я подозреваю, что у них

легкая паранойка. Они мне не доверяют и почему-то уверены, что я их обману.

– А этому есть какая-то причина? – осторожно осведомилась Нателла. – Мы же составили договор с учетом их пожеланий...

– Дело в том, что наши народы... мнээээ... несколько друг друга недолюбливают. Я бы даже сказала, враждуют.

– И давно это у вас?

– Последние три тысячи лет как минимум.

– То есть за сегодня договориться не получится?

– Что значит – «не получится»? Главное – не поддаваться на манипуляции. Все подпишут как миленькие, но нервы помотают. Надо предусмотреть любые ситуации. И да, с учетом открывшихся обстоятельств я прошу, чтобы в договоре был указан перечень всего, что продавцы оставляют мне внутри дома, включая печку, камин, обе ванны и оба унитаза и раковины.

– Мне кажется, вы им тоже не очень-то доверяете. Впрочем, как бы это ни было смешно, но я готова указать все это в новой версии договора.

Они вернулись в кабинет, где нотариус увещевала дядю Джафара и тетю Гулю на предмет того, что без договора они ну никак не получат свои деньги.

– А наличными можно получить? – спрашивал дядя Джафар.

– Нет, только переводом на банковский счет, – видимо,

уже не в первый раз объясняла нотариус.

– У меня чемодан есть, туда все купюры поместятся, – настаивал дядя Джафар. – В девяностые со мной только так расплачивались.

– Сейчас не девяностые, – тоном доброй няни разъяснила нотариус. – Сейчас по закону вы можете получить деньги только переводом со счета на счет. Это займет одну минуту.

– Но это же не настоящие деньги, не бумажные! А вдруг она, – он ткнул узловатым пальцем в показавшийся в дверях силуэт Лилит Ханум, – нас обманет?!

– А мы, – все тем же добрым голосом успокоила его нотариус, – не дадим ей вас обмануть! – И подмигнула Лилит.

– Она вас всех тут подкупила, – обреченно вздохнул дядя Джафар.

– Ну, что решили в итоге? – спросила нотариуса встревоженная Нателла.

– Решили, что я зачитаю договор обеим сторонам на русском языке, а потом обе стороны подпишут. Вы ведь сможете написать свое имя?

– Попробую, – проворчал дядя Джафар.

Имя свое он все же нацарапал. Как этот человек смог построить дом, пройдя несколько стадий согласования в мэрии, как общался с архитектором и утверждал его проект, как он оплачивал счета за свет, газ и воду, как пользовался Интернетом – все это так и осталось тайной. Пожилые супруги согласились с тем, что в договор были внесены все пе-

речисленные Лилит предметы, оставляемые в доме, включая кровать и сантехнику.

Еще несколько минут – и солидная сумма перекочевала со счета Лилит Ханум на счет дяди Джафара, который измочалил нервы банковским работникам, требуя, чтобы те представили ему все доказательства того, что деньги теперь действительно принадлежат ему и их можно превратить в яркие хрустящие бумажки.

Нотариус, юрист и покупательница вздохнули с облегчением. – А мог бы и в золотых монетах потребовать... С них станется, – заключила Лилит.

Оставалась еще передача ключей от дома, и можно было уже спокойно обживать и заниматься отделочными работами. Откуда было знать москвичке, что слово «спокойно» в этой фразе лишнее?

Глава восьмая

Семейный совет

Вечером она вместе с Ашуриной и тетей Далилей распила бутылку местного игристого вина, которое по советской привычке тут называли «шампанским».

– Ну и как ты теперь с этим со всем будешь управляться? – спросила Ашурина. – Там ведь не только дом, но и сад?

– Сад и виноградные лозы во дворе... Эх, всю жизнь твердила как заклинание: «Дом, сад, виноград» – и совершенно буквально оно сработало.

– Говорят ведь, – вставила словечко тетя Далиля, – что там, – она многозначительно подняла палец вверх, – наши желания понимают буквально. И сбывают именно так, как человек сказал. Поэтому никогда нельзя жаловаться. Когда начинаешь говорить: «Все плохо, денег нет, начальник дурак, муж козел», там – снова палец вверх – сидит ангел и все записывает в книжечку твоих желаний. А потом это и сбывается. Буквально.

– Если бы все это сбывалось буквально, по улицам не ходили бы мужчины, а бегали бы козлиные стада, – возразила Ашурина.

– А в Иране говорят так: «Если бы все детские молитвы исполнялись, в живых не осталось бы ни одного учителя», – добавила Лилит.

Женщины расхохотались, потому что в ангела, который сидит и записывает в книжечку наши желания вперемешку с нитьем, никто по-настоящему не верил. Но факты – вещь упрямая: Лилит Ханум купила ровно то, что было отнято у ее предков, причем, возможно, даже у прямых потомков отнявших. Это немного выходило за рамки привычного. О том, что дом подозрительно точно совпадал с тем строением, которое она рисовала, когда мечтала о переезде, она не упомянула – ну мало ли, рисовала-то она такой среднестатистический домик в ближневосточном стиле...

– А ну-ка давай посмотрим на карте, где твой дом, – предложила любопытная Ашурина и залезла в телефон. – Диктуй адрес. Тааак, посмотрим-посмотрим... Да это же почти на самом кладбище!

– Да, мне говорили, что кладбище рядом, но я не знаю, насколько близко.

– Насколько? Да твоя улица в него упирается, четыре дома пройти – и вуаля! Попадаешь прямо в тот вход, за которым наш семейный участок.

– Ну, дела! – Наконец-то Лилит поняла, что означала Смерть на всех ее рисунках (ее это, признаться, тревожило). Оказывается, никакой опасности это не предвещало, просто рядом с домом было много тихих и вполне себе родных покойников. – А ведь это же прекрасно! Дочка мне спасибо скажет, когда время придет и пора будет меня хоронить. Далеко везти не надо!

Ашурина и тетя Далиля суеверно зашикали и замахали на нее руками. Разговоров о кладбище больше не возникало.

Однако Лилит Ханум вспомнила один странный эпизод. Когда ей было пятнадцать лет, она прилетела с отцом в Шахину к родным и они поехали на это самое кладбище навещать могилы предков. Сама по себе поездка туда ее не особенно вдохновляла, но, как всякий подросток, на тему смерти она размышляла. Шахинский дед, благословив их на поездку, сказал: «В этом мире мы всего лишь гости, приходим сюда ненадолго, а потом возвращаемся домой. Старшие поколения уж дома, а мы все еще в гостях». Ну и юной Лилечке стало любопытно: кто же уже вернулся домой?

Было лето, Шахина тонула в душном знойном мареве. Выхлопы машин заполняли низинные улицы, тяжелый влажный воздух едва ворочался в ущельях, по которым проходили главные улицы города. Но чем выше такси поднималось в гору, тем легче и свежее становился воздух. Старая часть кладбища, где в былые времена хоронили иностранцев и иноверцев, располагалась на верхушке горы, рядом с запутанными улочками ассирийской деревни, которая уже тогда слилась с городом и стала одним из его районов. Могучие кипарисы затеняли старые надгробия с полустертыми надписями на армянском, ассирийском, греческом, французском, польском. Лица с черно-белых фотографий смотрели сдержанно, умудренно. Интересно, что здесь не принято было изображать на надгробиях стариков: выбирали изображе-

ния людей, еще не обезображенных дряхлостью. Всех своих предков, доживших до преклонных лет, Лилит увидела сорокалетними, красивыми, полными сил. И только те, чья жизнь оборвалась слишком рано, были показаны юными, в том самом возрасте, когда им пришлось до срока отправиться домой.

Могучие кипарисы отбрасывали благодатную тень, на разлапистых елях пели свое однообразное «ту-тууу-ту» горлицы. С горы открывался величественный вид: далеко внизу слегка затуманенная летней дымкой Шахина, крыши домов, тускло поблескивавших, будто усталых от летнего солнца, зеркальная река, со змеиной грацией скользящая между рядов каменных строений... Обрамляли этот пейзаж акварельно-воздушные силуэты гор, и чем дальше были горы, тем прозрачнее казались они. Любому, кто вырос в местности плоской и неяркой, эта картина врезалась в память раз и навсегда.

И Лилит помолилась так жарко, так страстно, как редко молилась до и после того. «Господи, – сказала она мысленно, – сделай так, чтобы меня похоронили тут. Буду вот так лежать и смотреть вниз и целую вечность видеть всю вот эту красоту!»

Ангел, по-видимому, сидевший со своей записной книжечкой где-то поблизости, отправил заявку по инстанциям. По земным меркам процесс рассмотрения заявки был долгим, взвешивались все «за» и «против» и в конце концов че-

рез тридцать лет было решено, что выполнить ее буквально ну никак невозможно. И все потому, что покойников хоронят так, чтобы они смотрели на восток, а Лилит стояла и смотрела вниз на запад и, будучи похороненной, не смогла бы наблюдать весь этот пейзаж. Да и потом, что-то разглядеть из-под земли весьма затруднительно, тем более пустыми глазницами. Поэтому было решено выполнить лишь часть желания, а именно: поселить Лилит при жизни в доме неподалеку от кладбища, так, чтобы из окон кухни и гостиной открывался указанный в заявке пейзаж.

Это было странно: ведь обычно если просьба выполняется частично, то, по правилам Небесной канцелярии, воплощается в жизнь не лучшая ее часть, это все мы знаем по собственному опыту. За какие такие заслуги Лилит была оказана неслыханная милость, мне неизвестно, ибо, хоть она и не была злодейкой, праведницей ее назвать язык не повернется. Но как бы то ни было, в тот самый день, когда ключи были переданы и Лилит вошла в теперь уже собственный дом, она встала у окна и сквозь сеть весенних, еще не отрастивших листву ветвей увидела все то же самое, что так поразило ее тридцать лет назад.

Любезный читатель! Я знаю: расставлять рожи под каждым из кустов, что живую изгородью обрамляют жизненный путь героя или героини, приличному автору не полагается. Но как удержаться от такого соблазна? Я не хороший писатель, я вообще не писатель, но, прожив на свете семьдесят с

лишним лет, я наблюдала куда более невероятные совпадения. Так что ежели ты эстет и тебя воротит от нескладности и вычурности сего повествования, то закрой книгу и отложи, ибо далее ты встретишь все более неправдоподобных персонажей, которые попадают во все менее вероятные ситуации. К тому же тебя ждут все новые эпизоды, место которым в сказках, а не в серьезных художественных книгах. Впрочем, если я не ошибаюсь, о читатель, с говорящей лягушкой ты уже вроде как смирился.

Глава девятая

Жесть, или Как у Лилит Ханум сорвало крышу

Я немного забежала вперед. Перед тем как Лилит вошла в новый дом и залюбовалась пейзажем, произошло одно весьма драматическое событие.

Дядюшка Джафар попросил покупательницу не сразу въезжать в купленный дом и дать ему возможность распродать те немногочисленные предметы мебели, которые там имелись. Лилит, естественно, пошла навстречу его вполне понятному желанию и, дабы лишний раз не обременять кухню своим присутствием, отправилась в Москву, намереваясь вернуться в Шахину ровно ко дню торжественной передачи ключей.

За пять дней до оговоренного срока Лилит Ханум попила кофе со своей московской родственницей по прозвищу Шидда (так ее прозвали в честь сказочного персонажа, вечно делавшего все шиворот-навыворот, ибо эта во всех отношениях достойная московская дама, мать троих замечательных детей, отличалась редкой способностью делать для других больше, чем обычный человек делает для себя родного). Из сумки нашей героини внезапно раздались звуки бравого марша «Вперед, за родную Месопотамию!». Лилит из-

влекла из сумки телефон и ответила на звонок. На том конце воображаемого провода раздался гневный голос дяди Джафара:

– Ты где????!!!

Лилит Ханум опешила, так как обычно звонящие начинают в приветствия. С ее языка едва не сорвалось упоминание славного казахского города Караганда, однако врать по поводу своего местоположения она не стала и осторожно поинтересовалась:

– Что-то случилось, дядя Джафар?

– Случилось?! Да я тебя везде ищу!

– Ну, вот она я, слушаю внимательно.

– Сейчас же приходи и забирай ключи!

– То есть как? Мы же через пять дней дого...

– Сейчас же приходи и забирай ключи, не доводи старого человека до сердечного приступа! Меня машина ждет, я через пять минут уезжаю в Россию!

– И что? Мы договори...

– Не перебивай! Если будешь так мне хамить, я распахну все двери настежь, выброшу ключи в канаву и как хочешь, так и делай потом. Ей, видите ли, лень два шага сделать и ключи забрать. – Я в Москве, а не в двух шагах.

– Врешь ты все! Наверняка у моих соседей сидишь и надо мной, стариком, издеваешься! Еще пожалеешь об этом, слово даю! А слово дяди Джафара крепкое.

Пересказывать весь разговор, который становился чем

дальше, тем абсурднее, у меня нет сил и желания. В конце концов сторонам удалось договориться до того, что дядя Джафар все-таки запрет дом и отдаст ключи одной из соседок. Лилит и Шидда посмеялись над странным стариком, а потом и забыли об этом разговоре, совершенно не подозревая о грядущих последствиях.

Прошло пять дней. Благополучно долетев до Шахины, Лилит Ханум вышла из здания аэропорта и ахнула. Ветер не только грозил унести в неизвестном направлении ее шляпку, но и бойко катил в сторону такси ее чемодан на колесиках, а там было килограммов двадцать вещей первой необходимости, из которых треть, разумеется, составляли баночки с косметикой. Это был не ветер, а самый настоящий ураган. Если такое творилось в аэропорту, то что же было на горке, в ассирийской деревне?

Едва Лилит Ханум уселась в машину, как из ее сумочки раздался месопотамский марш. Приняв вызов, она услышала сразу несколько голосов, принадлежавших соседям.

– Ты сейчас далеко? – встревоженный женский голос.

– Это жуть! – удивленный мужской голос.

Снова женский голос, уже другой:

– Да у нее крышу сорвало напрочь!

– Да что случилось-то? – возопила Лилит. – Я через двадцать минут буду на месте.

– Мы все тебя ждем!!! – хором крикнули в телефон соседки.

Честно говоря, первое знакомство с ближайшими соседями Лилит Ханум представляла себе несколько по-другому. По словам знакомых прихожан, это были достойные, благообразные люди, примерно ее ровесники, тоже дорастившие детей до совершеннолетия, – и вдруг такой странный телефонный разговор!

...Такси стремительно промчалось мимо бетонной стены, опоясывающей кладбище, лихо свернуло на неширокую улицу, где вдоль домов со стенами гнулись на ветру деревья, и остановилось около серых ворот с белой полосой. Перед воротами стояло несколько человек соседей, а за воротами над двором в темпе вальса изящно кружились листы жести, сорванные ветром с кровли летней кухни. Зрелище это было столь же завораживающее, сколь и опасное, ибо периодически ветер ослабевал и листы падали куда попало, в том числе на тротуар. Соседи благоразумно отбежали в сторону, и, по счастью, никого из них не убило.

Неистовый поток отборных ассирийских ругательств уже готов был сорваться с густо накрашенных уст Лилит Ханум, но она прикусила язык: это в Москве ее никто бы не понял, а здесь следовало выражаться по возможности пристойно. Поэтому она сказала на русском литературном языке:

– Вот ведь незадача-то какая, право же...

Она была мастером эвфемизмов.

Соседи наперебой стали рассказывать о том, как дядя Джафар, устроив грандиозную распродажу, отдал сборщи-

кам металлолома все до последнего гвоздя, включая и те, которыми крепилась жестяная кровля летней кухни. Пока не поднялся сильный ветер, кровля лежала себе и в ус не дула, но сегодня поднялся ураган... Хорошо еще, что этот ураган любезно подождал того самого момента, когда новая хозяйка дома явится и сможет как-то усмирить летающую жесьть.

– Так ключи от дома же у вас, вы могли бы открыть ворота, войти во двор и... – начала было Лилит, но соседи энергично замотали головами:

– Нет, нет, нет, без твоего разрешения мы не войдем.

– Тогда давайте ключи!

Лилит Ханум решительно отперла ворота и вошла во двор. По выражению ее лица было ясно: либо листы жести сейчас же успокоятся, либо им несдобровать. Ветер внезапно стих, и сразу три листа с адским скрежетом пали к ногам своей новой хозяйки. Со словами «так-то вот!» она взяла за чем-то валявшиеся во дворе кирпичи и придавила ими любителей полетать.

– Их надо бы прибить обратно, – деликатно посоветовал сосед слева, армянин Рубен. – А то если так оставить, снова улетят. – Прибить на месте! – согласилась Лилит Ханум. – Может быть, вы знаете хорошего кровельщика?

Кровельщика нашли и привели тут же, потому что, как оказалось, любого мастера в любой области можно отыскать в пределах двух-трех улиц. Сдержанный поляк Анджей (а в деревне, кроме ассирийцев и армян, прибывших сюда из

Турции после событий 1915 года, проживали греки, езиды и почему-то поляки) принес из дома стремянку, набор инструментов и под одобрительные возгласы соседей починил крышу в два счета. Лилит Ханум попросила его также в ближайшее время сменить замки во всех дверях – на всякий случай.

Этот случай потом долго вспоминали соседи по улице. Жестяная история оказалась не самым плохим поводом познакомиться. К тому же любая передряга, хочешь не хочешь, сближает всех ее участников.

Улица, на которой теперь проживала Лилит Ханум, была тихой и спокойной. Машины здесь проезжали нечасто, иногда мимо громыхал старый потрепанный автобус номер шестьдесят восемь, единственный местный маршрут. Название у улицы было необычно поэтическое, она носила имя Барда, но этот Бард был отнюдь не кельтским поэтом – это была фамилия кярманского танкиста, героя Второй мировой войны.

Весной вся улица благоухала: в садах и на тротуарах цвели абрикосы, вишни, айва, персики, сливы. В тот самый момент, когда Лилит Ханум вселилась в новый дом, вся гора, на которой в произвольном порядке располагались частные дома, стояла как невеста в белоснежной фате бело-розовых цветов.

Впервые выйдя в собственный сад, новоиспеченная хозяйка долго бродила от дерева к дереву, вдыхая пьянящий аромат... До того момента она думала, что «пьянящий аро-

мат» – это фигура речи, но у нее и вправду быстро закружилась голова, будто она хлебнула лишнего. Особенно на нее подействовали цветы абрикосового дерева. Впрочем, по части обонятельного пьянства у нее нашлось немало конкурентов, которые, деловито жужжа, собирали нектар и опыляли растения. Пару раз Лилит Ханум даже ткнулась носом в какую-то пчелу или шмеля, но те, похоже, тоже были добрые и пьяненькие, поэтому не обратили внимания на такое грубое нарушение личного пространства.

В общем, пока на гору не опустился синий полог ночной тьмы (а здесь, в отличие от Москвы, ночь наступала внезапно, без каких-то там нерешительных сумерек), Лилит была уверена, что при жизни попала в рай. Однако внезапная темнота загнала ее в дом, где не было практически ничего, кроме голых бетонных стен, крыши, тусклых лампочек под высоченным потолком и холодного воздуха. Интернета, что характерно, тоже не было.

Снова поднялся сильный ветер, в дымоходе что-то завывало, загудело, заохало и застонало. Лилит огляделась по сторонам и внезапно поняла, во что влипла. Чтобы сделать из этого всего настоящее человеческое жилище, потребуется много денег и времени, очень много.

– Вот умею же я сначала во что-нибудь влезть, а потом уже думать, что со всем этим делать, – произнесла она вслух. – И ведь обратной дороги нет, придется обустраивать вот это все! – Все, все, все! – загудело эхо, будто дом отвечал ей,

требуя внимания и заботы.

– Ничего, милый дом, я тебя обживу, и мы подружимся.

– Дружимся, дружимся! – ответил дом.

На том и поладили.

Глава десятая

Как Лилит Ханум обживала дом

Утром Лилит Ханум поняла, что очень правильно сделала, выторговав у дяди Джафара и тетья Гули большую резную кровать. Спать на полу было бы невозможно: ночью внезапно похолодало и пол стал ледяным. Вылезать из-под одеяла было боязно, но необходимо – как минимум для того, чтобы растопить камин, который, как тут же выяснилось, отчаянно дымил. В доме оставалась всякая деревянная рухлядь, так что о дровах можно было не беспокоиться. Но перед этим Лилит Ханум решила согреться, приняв горячий душ. О том, что как-то потом надо будет выходить из душа с мокрой головой, она предварительно не подумала. Спасла ее северо-ирландская закалка, ибо ничто так не приучает человека к холодному жилищу, как длительная командировка в Ольстер зимой, а впрочем, и в любое другое время года тоже. По наблюдениям Лилит Ханум, зима от лета в Северной Ирландии отличается лишь тем, что летом можно ходить дома без шарфа.

Обмотав мокрую голову стремительно холодеющим полотенцем, Лилит Ханум забормотала про себя: «Здесь тепло, это субтропики, мне совсем-совсем не холодно!», спустилась на первый этаж, присела на корточки перед камином и попыталась разжечь в нем для начала бумагу и какие-то веточки.

Долгое время рисовала она в мечтах эту идиллическую картину: вот она сидит на собственной вилле у камина, в котором уютно ворчит огонь и потрескивают поленья. В итоге так и вышло, но, как это всегда бывает, действительность выглядела не так уж глянцево. Бумага загорелась с пятой попытки и только после не очень вежливого упоминания почтенной бумагаиной матери. Вспыхнув от оскорбления, бумага мгновенно почернела, оставив веточки нетронутыми.

Лилит Ханум вздохнула и сунула в камин газету, которую весьма удачно взяла почитать в самолете. На этот раз горе-поджигательница выдала такую непечатную тираду, что газета вспыхнула моментально, веточки занялись и через некоторое время огонь перекинулся на импровизированные дрова. Мечта сбылась! Лилит Ханум сидела у камина на своей новой вилле! Для полного уюта оставалось только сварить кофе, что тут же и было сделано.

Спускаясь с чашкой горячего черного кофе по голой бетонной лестнице в каминный зал, Лилит случайно выплеснула каплю кофе на ступеньку, и капля мгновенно растеклась, приняв форму сердечка.

– О, дом, ты мне лайк поставил? – умилилась Лилит Ханум. – Ну хорошо, погоди немного, я из тебя конфетку сделаю! Да что там конфетку, кремовый торт!

Сказано – сделано. В Шахине у нашей героини к моменту переезда было уже достаточно знакомых, и она стала выяснять у всех, не знает ли кто толковой бригады рабочих. Ей

требовались хорошие мастера, непьющие и русскоязычные: по-кярмански она говорила пока что очень плохо.

На поиски бригады ушла неделя, но в конце концов одна знакомая порекомендовала армянскую, а следовательно, владеющую русским языком.

Тут следует сделать лингвистическое отступление. Государственным языком республики Кярманистан является кярманский, но, как уже было сказано в самом начале повествования, в стране проживают представители практически всех народов Кавказа и Ближнего Востока. А поскольку понаехали они еще во времена Российской империи, то между собой уже не первое столетие привыкли общаться на русском. В Шахине, изначально интернациональном городе, по-русски говорили все. Забегая вперед, скажу, что когда Лилит Ханум начала изучать кярманский язык, то с ужасом обнаружила, что говорить на нем абсолютно не с кем даже за пределами ассирийской деревни: слыша ее корявую речь, добродушные шахинцы расплывались в улыбке и переходили на русский. Но с рабочими, которые приезжали в Шахину на заработки из горных районов, не всегда можно было объясниться. Русский они знали не очень хорошо, и, будь у них хоть сто раз золотые руки, Лилит Ханум не стала бы иметь с ними дела.

Так что в одно прекрасное солнечное утро у ее дома остановилась машина и из нее вышли смуглые черноволосые красавцы, одного роста, но разного возраста, с одинаковыми

орлиными профилями и карими глазами, опущенными ресницами, которым позавидовали бы многие девицы. Их было шестеро, а сходство объяснялось тем, что все они оказались братьями.

Старшего, бригадира, звали Артуром, второй представился Овейном, третий – Гаретом или Гариком; четвертого звали Бедивером, пятого – Персивалем, а шестого, самого младшего, – Галахадом. Лилит Ханум по возможности тактично поинтересовалась, не увлекались ли многоуважаемые родители мастеров рыцарскими романами. Артур засмеялся и сказал, что их мама всю жизнь проработала учительницей истории в школе и ее любимой темой было Средневековье, а уж романы о его тезке и рыцарях Круглого стола были ее настольной книгой. С теплотой в голосе он признался, что у них есть еще младшая сестра Моргана-джан. Свою заказчицу они поначалу приняли за соплеменницу, потому что имя Лилит в Армении встречается сплошь и рядом. Посмеявшись над тем, какие кому дали при рождении имена, стороны решили: первым делом надо составить смету и закупить стройматериалы, а потом немедленно приступить к отделочным работам.

Артур с вежливым смущением сказал, что есть у его бригады одна особенность: братья жить не могут без кофе. И им периодически необходимо делать перерывы минут на пять, чтобы получить необходимую дозу кофеина. Лилит Ханум сказала, что будет делать для них кофебрейки как на науч-

ных конференциях раз в три часа плюс каждый обед будет заканчиваться кофепитием. На том и поладили. Наслушавшись трагикомических историй о том, как рабочие устраивают вместо работы пикники с вином и чачей, наша героиня была безумно рада тому, что ее бригада отдавала предпочтение кофеиновой зависимости.

С этого дня дом наполнился стуком, скрежетом, громким смехом, веселыми армянскими песнями и стойким запахом мужского одеколona. Лилит Ханум только и делала, что варила кофе, мыла чашки, наскоро готовила обед на летней кухне, ездила с Артуром на строительный рынок. Она вроде бы и не работала, но вечером почему-то у нее едва хватало сил принять душ и доползти до кровати.

Постепенно бетонная коробка превращалась в жилище. Сперва, конечно, как при любом сотворении пригодного для жизни пространства, были грязь, сырость и полный хаос: пришлось делать стяжку, и на несколько дней верхний этаж превратился в большое цементное болото, а чтобы хозяйку не засосала тряпина, галантные рыцари оставили ей тропинку от входной двери до спальни.

– В таком болоте у меня лягушки заведутся! – шутила Лилит, не зная, что именно так и произойдет, ведь ей в ближайшем будущем предстояло познакомиться с Генрихом. Но рассказ об их встрече еще впереди.

Вскоре пол стал выглядеть пристойно: рыцари Круглого стола аккуратно положили плитку, и Лилит оставалось толь-

ко умиляться и отмывать строительную пыль, с упорством ежедневно оседавшую на всем свежeweымытом.

– Самое трудное и самое грязное позади! – победно заявил Артур. Однако впереди было еще немало трудовых свершений.

Чтобы моя история не превратилась в роман на производственную тему (излюбленный жанр советского времени, набивший оскомину старшему поколению и посему ныне забытый), пора снова добавить в мое повествование чего-нибудь несерьезно-сказочного. Самое время рассказать, каким образом произошла встреча Лилит Ханум с лягушонком Генрихом, ибо я уверена, что читатель уже задавался вопросом – откуда взялась на нашу голову эта странная амфибия.

Глава одиннадцатая

В которой Лилит Ханум

встречает генриха

Итак, когда первая стадия отделочных работ была завершена, Лилит Ханум отправилась в Германию, чтобы сделать доклад на научной конференции в Гейдельбергском университете. Гейдельберг ее очаровал. Во время Второй мировой войны город не был разрушен и, казалось, состоял из одних разноцветных пряничных домиков. Причем домики эти, несмотря на почтенный возраст, выглядели так, будто их испекли только вчера. По улицам спешили улыбочивые немцы, на открытых террасах кафе молодежавшие пенсионеры пили кофе, студенты с папками под мышкой торопились на занятия.

Утром Лилит Ханум отправилась в знаменитый Гейдельбергский университет. Утомлять читателя подробным описанием конференции и пересказом докладов участников я не стану, эта сторона жизни Лилит Ханум вряд ли интересна кому-то, кроме специалистов, а они и так все знают и даже, возможно, помнят ее доклад.

После работы коллеги, как водится, перешли к неформальной части общения и переместились из конференц-зала в уютный ресторан, где за трапезой продолжили обсуждение только им понятных проблем. Лилит Ханум оказалась рядом

со своей коллегой Ириной. Когда-то они вместе работали в Москве, но потом у каждой из них судьба повернулась по-своему, и Ирина ныне трудилась в Марбурге, в тамошнем университете. Узнав о том, что Лилит приезжает на ту же самую конференцию, Ирина решила сделать ей подарок и спросила, что привезти из Марбурга. Лилит пошутила: мол, все в ее жизни есть, кроме прекрасного принца. Ирина подошла к решению проблемы Лилит одновременно с академической буквальностью и юмором и во время неформального общения преподнесла ей в дар симпатичного резинового лягушонка в короне, на котором было написано Froschknig. По словам Ирины, в Германии до сих пор водились принцы-лягушата, и ей посчастливилось приобрести представителя сего исчезающего вида лягушек. Звали его Генрихом, и, по словам продавщицы, он отличался редким обаянием, но непростым характером. Лилит посмеялась и поблагодарила коллегу, ибо она обожала лягушек и жаб и искренне считала их самыми милостивыми созданиями из всех сотворенных. Читатель может не разделять ее мнения, но одним из последствий случайно наложенного на нашу героиню заклятия стала любовь ко всем ночным тварям, в том числе хладнокровным земноводным. Змей она, правда, побаивалась.

Игрушечный принц тут же был отправлен в сумку Лилит и на время забыт, так как на столе появились весьма вкусные и разнообразные блюда, а в бокалах заплескался рислинг из подвалов знаменитого Гейдельбергского замка. Разговор вы-

шел интересный, он плавно перерос в коллективное пение (к некоторому неудовольствию хозяев ресторана), и коллеги засиделись допоздна.

После пения и умеренных возлияний Лилит Ханум отправилась в отель, ибо завтра с раннего утра предстояло вновь присутствовать на докладах, а время к тому моменту перевалило за полночь. Кто же знал, что автобус довезет ее только до одной из центральных площадей, а потом отправится в депо? Неожиданно Лилит Ханум оказалась в центре пряничного города без малейшего понимания, как добраться до гостиницы, расположенной на одной из его окраин. Такси она нигде не видела, как ни осматривалась по сторонам.

Ночной Гейдельберг был совершенно не похож на утренний. Казалось, все население Стамбула, Дамаска, Алеппо, Багдада, Эрбиля и прочих городов Востока собралось здесь и дружно вышло погулять с наступлением темноты. Чернобородые мужчины, женщины, по большей части закрытые, как полагается мусульманкам, многочисленные темноволосые дети фланировали по улицам города. Европейцев было не видно – судя по всему, они очень рано ложились спать, а может быть, просто не хотели выходить на улицы, потому что в таком окружении чувствовали себя неудобно, в отличие от Лилит Ханум, которая ощущала себя вполне в своей ближневосточной расписной тарелке. Она решила, что раз дороги домой все равно не знает, то разумнее всего идти куда глаза глядят, тем паче что в таком окружении вполне можно

встретить кого-нибудь знакомого или знакомого знакомых. В своей юбке до колен и летней блузке с вырезом, в котором виднелся крестик, она несколько выделялась из общей массы, да и лицо ее на фоне остальных казалось слишком европейским, но кого это волновало? Так, глаза по сторонам, Лилит Ханум шла и шла, пока перед ее взором не возникло сияющее слово «Вавилон».

– О! – воскликнула Лилит Ханум, понимая, что если где-то написано «Вавилон», значит, это именно то место, где непременно решат проблему наследницы великой месопотамской цивилизации.

Под словом «Вавилон» светились еще два – «кебаб, шаурма». Лилит толкнула стеклянную створку двери и вошла. За стойкой она увидела смуглого черноволосого мужчину лет сорока и наметанным глазом определила, откуда он родом. Для приличия купив бутылку минеральной воды, она заговорила с продавцом, благо посетителей в доме шаурмы и кебаба было немного.

– Ночь теплая, пить так хочется... А вы из Ирака, да?

Мужчина предсказуемо насторожился и с вымученной улыбкой кивнул.

– А откуда из Ирака, с севера, наверное? – не унималась Лилит Ханум.

– Из Дохука, – со вздохом ответил иракец, которого такие вопросы, вероятно, уже изрядно достали.

– Ах, из Дохука! Ну надо же! – всплеснула руками Лилит

Ханум. – У меня там знакомые ассирийцы живут. Такой чудесный город, я там один раз была. А какие рядом живописные горы, помнится, там в апреле прямо ковер из алых маков! А еще эти потрясающие желтые цветы... Вы не знаете, как они называются?

Не ожидавший такой реакции продавец расплылся в улыбке, в глазах засветилась ностальгическая светлая печаль, и они минут десять говорили о цветах, о природе Северной Месопотамии, о том, что война в Ираке должна же когда-нибудь окончиться и что как бы ни было в Германии хорошо, а дома кебаб вкуснее – и так далее. Продавец посочувствовал гонимым христианам и посетовал, что мусульманам тоже приходится тяжело.

Расположив его к себе таким вот незатейливым образом, Лилит рассказала о том, что сама приехала в Гейдельберг всего на четыре дня и со словами: «И представляете, какая со мной приключилась история!..» поведала, что заблудилась в ночном городе и даже не знает, где взять такси. Дальше ничего уже не надо было делать самой. Продавец вызвал из подсобки двух племянников, и два прекрасных юноши с миндалевидными глазами и безупречными чертами смуглых лиц выслушали его приказание. Черноволосые красавцы сопровождали Лилит Ханум до стоянки такси, провели переговоры с водителями и со словами: «Мы нашли вам земляка, он вас не обидит» – бережно передали ее с рук на руки седовласому персу, уроженцу Тегерана, потому что урмийцев, увы, среди

таксистов не нашлось. С таксистом разговор шел уже о цветах, произрастающих в Иране, и о фламинго, гнездящихся на берегу озера Урмия. На полпути он растрогался, прослезился, выключил счетчик и довез Лилит до гостиницы за полцены, хотя добиться такой экономии у нее и в мыслях не было.

Оказавшись в номере, Лилит положила сумку на кровать и в недоумении сказала сама себе:

– Не понимаю, и за что некоторые так не любят мигрантов?! Милые же люди...

– Ага, как же! – раздался из сумки чей-то голос. – Понаехали тут да еще понарожали детей своих черных! Скоро нам, немцам, некуда будет от них деться!

Голос был странный, какой-то мультяшный и произносил русские слова с легким акцентом. Лилит подумала, что, наверное, случайно включила звуковой чат в мобильнике, и полезла было в сумку за телефоном, как вдруг кто-то не больно, но чувствительно укусил ее за палец. Лилит взвизгнула от неожиданности, выдернула руку из сумки и увидела, что на пальце, болтая в воздухе задними лапками, висит потешный лягушонок, резиновый, в игрушечной короне на голове, но вполне живой.

– Я выпила всего три стакана рислинга! – в панике завопила Лилит Ханум.

Лягушонок разжал челюсти и прыгнул на кровать.

– Да хоть десять! – сказал он.

– Ты... разговариваешь?

– Еще бы! Еще как разговариваю! Мой родной язык немецкий, но я знаю польский, русский, литовский, шведский, английский и, как всякий дворянин, прекрасно владею французским.

– Ух ты, говорящая лягушка!

– Принц, а не лягушка! Тебе же сказали, что я заколдованный немецкий принц. Я уже тысячу лет жду, когда меня полюбит женщина и поцелуй любви развеет чары. Ах, с какими женщинами у меня были отношения! Графини, герцогини, придворные дамы... Даже одна августейшая особа, имя которой я не решусь упоминать. Правда, все они были меня недостойны и ни с кем я так и не поцеловался. М-да...

Сидя на кровати, он осматривал Лилит Ханум с головы до ног тем самым специфическим мужским взглядом, который так бесит женщин.

– А теперь, значит, ты... Как жаль, как жаль... – пробормотал он.

– Чего жаль? – с угрожающей ноткой в голосе произнесла Лилит.

– Жаль, что заклятье таково: я не могу выбирать женщин сам, меня должны подарить, я должен влюбиться в себя хозяйку. Уж тебя бы я точно не выбрал!

– И почему же? – С этими словами Лилит вытащила из-под покрывала подушку.

– Потому что я не люблю черножо... АААААА!

Он не успел договорить обидную фразу: подушка опусти-

лась на его голову, скрыла его под собой, не причинив, впрочем, никакого вреда. Секунду спустя перепуганная зеленая мордочка высунулась из-под подушки, карие глазки заморгали, и лягушонок неожиданно робко спросил:

– Кажется, фрау, я был недостаточно толерантен?

– Я бы сказала, ты был откровенно хамоват. Ни один немец из тех, с кем я общалась за всю свою жизнь, не позволял себе подобных высказываний ни в чей адрес, тем более в мой! Ты же представитель культурной европейской нации!

– Прошу меня извинить и больше не бить подушкой.

– А почему? По-моему, удар подушкой куда лучше поцелуя, вон каким ты сразу стал вежливым.

– Осмелюсь напомнить о том, что в Германии есть законы касательно жестокого обращения с животными...

– А насчет дискриминации по цвету кожи ягодиц законов нету, что ли? – елейным голоском осведомилась Лилит Ханум. – Я был неправ, приношу свои извинения.

– Извинения приняты.

– Поймите меня, я встревожен нынешней миграционной политикой Германии... Ну и я в принципе плохо знаком с культурой народов Ближнего Востока, поэтому все, что я увидел этой ночью из вашей сумочки, потрясло меня до глубины души и напугало.

– Ну что же, милый мой, – злорадно произнесла Лилит Ханум, – у тебя впереди еще много времени на то, чтобы вплотную познакомиться с культурой народов Ближнего Во-

стока.

– Это как? – Лягушонок насторожился.

– Да очень просто. Скоро конференция закончится, и ты поедешь жить ко мне, на самый что ни на есть настоящий Ближний Восток, в республику Кярманистан, что граничит с Турцией.

Из зеленого лягушонок стал бледно-салатовым.

– Я надеюсь, уважаемая фрау шутит?

– Отнюдь, милое земноводное, отнюдь. Подозреваю, что Всевышний послал меня тебе с целью отучить от ксенофобии.

– О, как жестоко я наказан!

Лягушонок действительно выглядел убитым горем, и Лилит Ханум пожалела его, усадила на ладонь и погладила.

– Не печалься, Генрих, ты многого не знаешь о Востоке. Ты увидишь, что люди там такие же, как и везде, и среди них больше всего хороших и порядочных. Я уверена, тебе понравится.

Генрих быстро успокоился: видимо, зачарованный принц был чувствителен к женской ласке. Он умильно посмотрел на Лилит Ханум и с робкой надеждой произнес:

– А ты будешь для меня каждый день танцевать соблазнительный танец живота?

– Ишь, размечтался! – расхохоталась Лилит Ханум. – Обойдешься!

Так они и подружились. На следующее утро Лилит Ханум

взяла Генриха с собой на конференцию, а через день – на экскурсию, чтобы он мог насладиться последними днями европейской жизни.

И вот наконец настала пора отправляться в Стамбул, а оттуда в Шахину. Пока Лилит Ханум собирала вещи, лягушонок устроил долгий плач на тему «Прощай, Европа, прощай, цивилизация, мне предстоит жить в глинобитной хижине в пустыне среди змей и скорпионов, придется забыть о комфорте, мыться песком и довольствоваться обществом погонщиков верблюдов». К тому моменту, как настала пора ехать на поезде во Франкфурт, а оттуда в аэропорт, он уже изрядно утомился страдать.

По дороге на вокзал Лилит Ханум заехала в кебабную «Вавилон», где выпила чашку черного чая с немислимым количеством сахара. Генриха она посадила в карман, где он прикинулся резиновой игрушкой, что привык делать в любой непонятной и опасной ситуации: не в меру колоритных работников кебабхауса он побаивался. Там, в кармане, Генрих и заснул, причем так крепко, что проснулся лишь в Шахине, когда Лилит Ханум уже устроилась поудобнее на заднем сиденье такси. Высунув любопытную мордочку и поглядев в окно, Генрих увидел новое современное здание аэропортового терминала, стоянку автомобилей, аккуратные клумбы на газонах и ряды солнечных батарей. Такси вырулило на трассу и помчалось в направлении города.

подавать голос и спрашивать, где именно он сейчас нахо-

дится, Генрих не решился, ибо знал, что впереди его ожидают жуткие приключения на таинственном Востоке, душевные караван-сарай, переходы с купеческими караванами через горы и пустыни, словом, все, о чем он читал когда-то в сказках «Тысячи и одной ночи». К тому же на Востоке орудовали разбойники или, как их называют нынче, террористы, и – кто знает! – не была ли связана с ними фрау Лилит?

То, что сейчас Генрих видел из окна, выглядело более или менее пристойно: многоэтажные здания, похожие на виденные им в Восточной Европе, рекламные щиты с надписями на незнакомом языке, указатели, дублированные латиницей. Выглядело это небогато, но добротно, как в былые времена в ГДР или Польше.

Машина стала подниматься все выше и выше в гору, и Генрих, потеряв равновесие, свалился в темный, пахнущий французскими духами карман пиджака Лилит. Когда хозяйка наконец извлекла его на свет божий, он увидел симпатичную, хоть и не до конца отделанную виллу – двор, просторный новый дом с недокрашенными потолками – и спросил:

– Это мы где?

– На том самом Ближнем Востоке, милый Генрих. Тебе предстоит здесь жить долгие годы. А это мой дом.

– А тут электричество есть?

– А как же! Есть, и вайфай имеется, если тебе он нужен.

Недавно провела.

– И вода в кране?

– А ты собрался на колодец ходить? Серьезно?

– Нет, ну мало ли...

Генриха ждала масса удивительных открытий: никаких верблюжьих караванов здесь не было уже лет сто, люди носили европейскую одежду, разве что чуть более яркую и кричащую, женщины в чадрах встречались реже, чем в Гейдельберге, и на них смотрели с куда более неприкрытым интересом, чем в Германии, и ни в каких благах цивилизации недостатка не наблюдалось. Разве что в массе своей люди были победнее и последствия недавних войн и разрухи устранены не полностью. Но в целом тут жилось не хуже, чем когда-то в Варшаве, где Генриха так и не поцеловала одна слишком гордая полька. Впрочем, о своих бывших Генрих быстро отучился вспоминать, так как Лилит при первом же упоминании о польской гордячке сразу попросила его найти логическую связь между двумя фактами: а) она ужасно ревнива; б) декоративные подушки в ее спальне довольно тяжелые. Генрих без труда решил сию задачку, ибо в юности обучался формальной логике.

С тех пор они сосуществовали мирно, иногда беззлобно поругиваясь, и со временем их отношения все более и более стали походить на родственные. Лягушонок перестал звать хозяйку «фрау Лилит» и перешел на «ты», а также подружился с рыцарями Круглого стола, которых говорящая амфибия привела в неопишуемый восторг. Они относились к лягушонку с отеческой нежностью, а Овейн как-то раз нало-

вил ему на десерт кузнечиков. Увидев шахинских кузнечиков, Генрих слегка оробел, ибо не привык к тому, что на юге все летающие и ползающие твари отличаются исполинскими размерами. Однако лягушонок оказался все же немного больше шахинского кузнечика и не без труда, но все же смог справиться с угощением.

Несколько раз Лилит Ханум брала Генриха в гости к кузинам, и там он оказывался в центре внимания, его брали на руки, баловали, слушали его рассказы о былых временах, кормили сладостями...

Через несколько месяцев Генрих поймал себя на том, что любит Шахину и ее обитателей, но виду, конечно, не подавал, памятуя о том, что это все-таки далеко не Европа.

Глава двенадцатая

Месть дяди Джафара

За повседневными хлопотами Лилит Ханум совершенно забыла о прежних хозяевах дома. Каждый день начинался рано и продолжался разнообразными трудовыми свершениями. Лилит Ханум обычно вставала спозаранку, принимала душ, завтракала, заправляла кровать, подметала двор, мыла посуду, заранее открывала створку ворот, чтобы рабочие зря не трезвонили, а входили сразу, и расставляла на столе кофейные чашки. Примерно в восемь раздавался деликатный стук в открытую дверь, и во дворе показывались сначала Артур, а за ним и все остальные. Лилит Ханум приветствовала пришедших и тут же ставила на огонь джезву. Рыцари удалялись в дом, после чего снова возникали во дворе уже в рабочей одежде, живописно пестревшей присохшими пятнами цемента и краски. К этому моменту кофе был готов.

– Гарик, – укоризненно качал головой Овейн, – ты опять занял мое место?

– Неа, – отвечал Гарет, – не твое, а Артурчика!

Некоторое время они препирались по поводу того, кто будет сидеть на углу, и Лилит Ханум начинала понимать, для чего во время оно король Артур изобрел именно круглый стол. Впрочем, братья никогда не ссорились, только дружески друг друга подкалывали.

Тут же прискакивал Генрих, который оказался не меньшим кофеманом, чем армянские мастера. Он отхлебывал из миниатюрной чашки и попутно затевал умные беседы, дабы блеснуть эрудицией.

– Я считаю, что Эшенбах был прав относительно сущности Грааля, – вещал он и делал очередной глоток, манерно отставляя зеленый мизинец. – А что вы думаете по поводу поисков сего сосуда?

– Генрих-джан, – ласково обращался к нему Артур, – ну зачем его искать? Если надо, то мы сделаем какой хочешь Грааль, можем из гипса, можем из мрамора...

– Из мрамора дорого! – взвивалась Лилит. – Я сколько денег угрохала на мрамор для лестницы! Я вам не миллионерша! Грааль потом сделаем, когда все потолки побелим!

– Какая ты приземленная, сил нет! – дулся Генрих.

– Не дуйся, лопнешь, как лягушка из басни! – грозила Лилит.

– Я вот что скажу по этому поводу, – примирительно заявлял Артур, – Лилит Ханум здесь заказчик, а слово заказчика – закон. Если заказчик решает, что Грааль сейчас не нужен, отложим до лучших времен!

– Вы ничего не поняли, – кипятился Генрих, – его не надо делать, его надо искать!

– Хорошо, хорошо, – успокаивал его Артур, – поедем на строительный рынок и найдем! Нашли же мы кафель именно того бежевого оттенка, который был нужен!

Генрих не сразу начал понимать, что Артур иронизирует. А когда понял, то обиделся и поклялся, что отыщет в Шахине кого-нибудь по имени Мордред, но это так и осталось пустой угрозой, несмотря на удивительную изобретательность жителей Закавказья по части имен.

Довольно скоро заносчивый принц с удивлением обнаружил, что чернь (а именно так, с некоторым расистским оттенком, он характеризовал рабочих, а заодно и Лилит Ханум, которая была с ними на одной волне) не хуже него разбирается в истории и литературе и способна отличить Эшенбаха от Кретьена де Труа да еще и напеть что-нибудь на тему поисков Грааля из Вагнера.

Итак, в то утро, о котором пойдет речь, кофейная беседа постепенно создавала нужное настроение, как вдруг мобильный Лилит Ханум разразился звонком с незнакомого номера.

– Алло? – вопросительно произнесла Лилит. В ответ раздался столь громкий и сердитый голос, что пришлось отодвинуть телефон от уха.

– Ну наконец-то я до вас дозвонился! И вам не стыдно такое делать? Воровать у честных людей, оскорблять почтенного пожилого человека?

– Вы не ошиблись номером?

– Нееет, уважаемая Лилит Ханум, я не ошибся! И вы сейчас мне ответите за все.

– А вы...кто? Представьтесь, пожалуйста! – Лилит была

ошеломлена, сбита с толку.

Вся бригада замерла, забыв о кофе, ибо невидимый собеседник вопил так, что его было слышно всем.

– Она еще хочет, чтобы я представился! Вот наглость! Украла карнизы у бедного старого Джафара, вынудила его продать дом за бесценок и еще на мелочах наживается!

– Какие карнизы, вы о чем?!

– Карнизы из его спальни!

– Но он продал мне дом со всем содержимым!

– Нееет, я-то знаю, карнизы в договоре не указаны...

– Скажите, а вы кто? Кем вы приходитеесь Джафару? Вы являетесь его законным представителем?

– А это не ваше дело. Ваше дело отдать ему либо карнизы, либо двести долларов за них, а иначе вам не поздоровится, воровка бесстыжая!

– Двести долларов за эту пластмассовую ерунду, – присвистнул Гарет, а Овейн покрутил пальцем у виска.

А безымянный собеседник продолжал неистовствовать:

– Я сейчас приеду, и чтобы к моему приезду либо деньги были готовы, либо карнизы были сняты. И я еще посмотрю, что вы там в этом доме прикарманили!

– Я купила этот дом, и все, что в нем осталось, принадлежит мне. Если вы считаете, что я нарушила закон, выясняйте это через суд.

– Да я сто судов выиграю, и еще вы должны денег будете за все судебные издержки! Я сто свидетелей приведу, и они

подтвердят, что вы клялись всеми святыми, что отдадите эти карнизы почтенному Джафару, в общем, сейчас я к вам выезжаю.

В трубке раздались короткие гудки.

Как ни спокойно разговаривала Лилит Ханум, а напугал ее этот звонок изрядно. Она отложила телефон и замерла в некотором замешательстве. В такую ситуацию она попала впервые.

Из оцепенения ее вытащил Артур.

– Вот ведь сволочь, – сказал он. – Этим карнизам цена на строительном рынке двадцать динаров, не больше! Думают – одинокая женщина, законов здешних не знает, цен не знает, вот и хотят развести на деньги.

– Полицию надо вызвать, – посоветовал Овейн.

– Мы не уйдем, пока не приедут полицейские, – приободрил хозяйку Гарет.

– Надо набрать 112, – подсказал Бедивер.

Лилит Ханум кивнула: это, пожалуй, было самым разумным решением, тем более что кярманская полиция считалась лучшей во всех странах СНГ. Когда-то Кярманская ССР отличалась таким уровнем взяточничества и прочей коррупции, что местная мафия (назвать которую «мафией» советские газеты, конечно, стеснялись) была покруче сицилийской. Книга Марио Пьюзо «Крестный отец» была настольной у каждого уважающего себя кярманца, начиная с подросткового возраста, и считалась не беллетристикой, а руковод-

ством к действию. Однако один из первых кярманских президентов решил, что с этим безобразием надо покончить. Он распустил милицию, которая, по его мнению, была передовым краем местной мафии, а в новую полицию набрал абсолютно других людей, которых очень жестко контролировали на предмет взяточничества и злоупотреблений. Все общественные институты были перестроены, а преступность упала до рекордно низкого уровня. Полицию перестали бояться и стали уважать куда больше.

Лилит Ханум пока что с местной полицией дел не имела, разве что пару раз спросила дорогу у уличного патруля. Она была человеком законопослушным и даже не задумывалась о том, что с ней может приключиться какая-то криминальная ситуация. Но уж что приключилось, то приключилось. Она набрала номер и, поскольку на тот момент кярманским языком почти не владела, объяснила ситуацию по-русски. К ее удивлению, незнание языка никого не смутило; ее заверили, что к ней отправлен абсолютно русскоязычный патруль, и уверили в том, что волноваться не нужно.

– Если этот вымогатель приедет раньше патруля, – подал голос Галахад, – он будет говорить с нами, так что ничего не бойтесь.

Лилит почувствовала себя прекрасной дамой, находящейся под рыцарской защитой, и подумала, что шестеро здоровых мужчин, вооруженных кувалдами, дрелью и циркулярной пилой, несомненно, произведут на любого злодея силь-

ное впечатление. Впрочем, наша героиня и не подозревала, сколь красочное шоу она невольно затеяла.

Дело в том, что непривычному человеку, будь он хоть трижды полицейский с навигатором в машине, разобраться в лабиринте ассирийской деревни непросто, и патрульный автомобиль сделал пару кругов, прежде чем нашел верный путь в затейливом хитросплетении улочек. Поскольку вызов был срочный (вымогательство и угрозы по меркам мирной Шахины – это серьезное ЧП!), машина включила сирену и красно-синюю мигалку.

Обычно жизнь обитателей частного сектора скупа на события и представляет собой сонное чередование бесконечно повторяющихся рутинных действий. Стоит ли удивляться, что такая светомузыка заставила многих жителей соседских домов побросать свои скучноватые дела, распахнуть двери настежь и выбежать на улицу? Некоторые выходили с опаской – а вдруг кого убивают?

Лилит Ханум тоже пришлось выйти на улицу и махать руками, чтобы полицейская машина не ошиблась домом, что было воспринято окружающими как крайняя степень паники. Трое подтянутых, улыбчивых, но настороженных полицейских вошли в дом. Лилит Ханум сразу же предупредила их, что грозные мужчины в ее доме не злоумышленники, а лишь свидетели творившегося бесчинства. Полицейские выслушали всех, проверили документы у хозяйки дома и не без некоторого смущения переступили порог ее спальни. Осмот-

рев карнизы, один из них мечтательно сказал: «Хотел бы я продать их за двести долларов, да кто их за такую цену купит?»

В дверях показались соседи и вежливо поинтересовались, не нужна ли помощь. Полицейские заверили, что все в порядке и никто их новую соседку в обиду не даст. Поскольку телефонный вымогатель не угрожал жизни и здоровью Лилит Ханум, оснований для его немедленного ареста не было, но, по словам полицейских, любая попытка проникнуть на территорию частного дома уже могла рассматриваться как вторжение, и тогда уже Лилит Ханум следовало не зевать, а звонить участковому.

– Вы одна живете? – поинтересовался один из патрульных, ровесник Лилит.

– Да, одна.

– Не замужем?

– Нет. А вы можете кого-нибудь посватать? Говорят, кярманская полиция умеет решать все проблемы.

Полицейские расхохотались и помотали головами:

– Нет, госпожа, такого сервиса у нас пока нет, но в целом идея неплохая. Мы над этим поработаем. Впрочем, с вашим чувством юмора вы тут вряд ли долго будете одинокой.

Они галантно откланялись и укатили восвояси, предоставив соседям охать, ахать и сочувствовать Лилит. В процессе сочувствия выяснилось, что это не первая подобная история. У каждого из соседей уже случалась с Джафаром какая-то

неприятность: на одних он писал жалобы в прокуратуру, с другими ссорился годами... Попутно выяснилось, что никто не хотел иметь с ним дела и многие удивились, что хоть кто-то вообще рискнул купить у него дом. Лилит Ханум только покачала головой – ну надо же, кто бы мог подумать, в какую занятную историю она влезла.

Через некоторое время соседи разошлись, мастера закончили свою работу, попили кофе с Лилит Ханум и, удостоверившись, что никто сегодня не придет ее шантажировать, отправились по домам. В процессе мытья посуды Лилит обнаружила Генриха, про которого в этой суматохе подзабыла. Отважный принц прятался в кастрюле, слегка ошарашенный произошедшим. Лилит пощадила его чувство собственного достоинства и не стала обзывать трусишкой: действительно, что мог сделать лягушонок для ее спасения? Только не путаться под ногами.

Когда все уехали и Лилит Ханум осталась одна, ей стало любопытно. Любопытство вообще было ее самым неубиваемым свойством. Обычно с возрастом желание узнать то, что еще неизвестно, и залезть туда, куда еще не лазила, у большинства живых существ притупляется, но научные и творческие работники являются исключением. Злые языки утверждают, что виной тому шило, мистическим образом проникшее в потайные телесные глубины, но я все же считаю, что дело тут в особом устройстве души, а не тела. Лилит Ханум призадумалась: а что там такого ценного и интересного в

этих карнизах? Вдруг дядя Джафар припрятал в них золото, брильянты или еще какие полезные в хозяйстве вещи?

Она сбегала в сад и притащила оттуда стремянку, залезла на нее, предусмотрительно прихватив тряпку, чтобы заодно и стереть пыль. Сперва был обследован правый карниз, но, кроме пыли и паутины, на нем ничего не обнаружилось. Несколько разочаровавшись, Лилит Ханум перетащила стремянку ко второму окну, пошарила тряпкой и спугнула паука, который, беззвучно извергая страшные проклятия, убежал прочь. Ни золота, ни брильянтов она не обнаружила, только пыльный клочок бумаги сорвался с карниза на пол.

Подивившись находке, Лилит спустилась и развернула листок. На нем было что-то небрежно нацарапано арабскими буквами, но – увы! – познания Лилит в арабском ограничивались одним лишь распознаванием букв, поэтому прочесть записку она не могла. Первым ее желанием было выбросить листок, но потом ей снова стало любопытно: как и почему бумажка оказалась на карнизе? Не могла же она откуда-то туда упасть! Если бы листок был найден под кроватью или где-то еще на полу, такое можно было бы предположить, но как он мог упасть на карниз, прибитый к стене на высоте трех метров от пола? Значит, кто-то намеренно его туда положил, а потом позабыл в суматохе переезда. Стало быть, на листке написано что-то, может быть, не самое важное, но, несомненно, интересное! Эх, вот если бы Лилит Ханум хотя бы чуть-чуть знала арабский... Надо бы выучить и этот язык на

досуге. Впрочем, не до того сейчас.

Лилит протерла листок тряпкой, чтобы с него не разлеталась пыль, и сунула его в одну из привезенных из Москвы книг. Дальнейшие события заставили ее на время позабыть о записке, но читатель, конечно же, догадывается, что автор неспроста счел сей эпизод достойным упоминания.

Глава тринадцатая

Американский жених

Несмотря на ремонт, Лилит Ханум старалась регулярно ходить в церковь. Она не была образцом христианской добродетели, но старалась по возможности соблюдать все обязательства, которые налагает на человека религия. Но в моем повествовании не место рассуждениям о том, как должны жить добрые христиане: это слишком серьезная тема, а я пишу только о смешном и нелепом. Так что придется умолчать и о добром приходском священнике, верой и правдой служившем своему непростому и высокому призванию, и о ясноглазой улыбчивой женщине, обучавшей в воскресной школе детей родному языку и руководившей церковным хором, и о набожных честных прихожанах, всегда готовых поддерживать друг друга, и обо всех прочих праведниках, которых было много в ассирийской общине. Рассказ об этих людях прибережем для других книг, так что, приложив руку к сердцу в знак искренности, поблагодарим их за добрые дела и обратим взор к людям менее праведным, но более забавным.

Как обычно, после литургии прихожане усаживались за столы. Две вдовы в двух огромных кастрюлях готовили долму из виноградных листьев и гирду – кисломолочную рисовую кашу. Из огромного самовара наливали чай, согревавший и тела и души. Это было время дружеского общения,

обмена новостями и, как мы уже заметили, порой и деловых переговоров.

Именно в тот момент, когда, наевшись, Лилит Ханум попивала чай, к столу, где сидела она и другие женщины, подошел благообразного вида прихожанин с пышными седыми волосами. Ему было примерно за шестьдесят, и все в нем говорило об искренности и порядочности. Он любезно поприветствовал всех присутствующих и обратился к Лилит Ханум:

– Уважаемая, у меня есть к вам одно дело. Могу ли я обсудить его с вами... – Он запнулся: видимо, дело было деликатным и он раздумывал, как бы это высказать, чтобы никого не обидеть и не вызвать пересудов и домыслов. – Видите ли, речь идет о моей семье, и я хотел бы поговорить с вами потом, когда вы успеете со всеми тут пообщаться. Я не хочу быть назойливым и мешать вам...

Поскольку извинения обещали быть долгими и церемонными, Лилит Ханум по возможности вежливо прервала почтенного прихожанина, заверила его в том, что успела тут со всеми пообщаться и практически допила свой чай, поэтому она не станет заставлять его ждать. И если почтенному собеседнику удобнее разговаривать в менее шумном месте, то можно переместиться на церковный двор. Так они и сделали.

– Меня зовут Гиваргис, – представился прихожанин. – Я с некоторого времени вижу вас тут, навел о вас справки. Вы женщина зрелая, рассудительная, судя по всему – практич-

ная, к тому же очень красивая. Нет, это не комплимент, не благодарите. Я также в курсе вашего семейного положения.

Лилит Ханум вздохнула. Быть разведенной женщиной в Кярманистане означало вечно находиться в центре мужского внимания. Звучит вроде бы заманчиво, но какого рода это внимание! Предложения весело провести вечер, ритмично поскрипывая кроватью, сыпались со всех сторон от мужчин, годящихся ей как в сыновья, так и в отцы. Причем предлагали это совершенно незнакомые люди – в автобусе, в супермаркете да просто на улице! Иногда эти предложения вежливо упаковывались и звучали как приглашение в ресторан кярманской кухни с намеком на веселое продолжение. Отказы никого не расстраивали, и в целом кярманские мужчины были вполне милы и безобидны, но со временем Лилит Ханум любой комплимент стала принимать настороженно и заранее готовилась к мирному, но решительному отпору. Но ни соседи, ни прихожане никаких таких вещей обычно не позволяли. Заметив некоторую настороженность собеседницы, Гиваргис тут же пояснил:

– Не подумайте плохого, намерения у меня абсолютно честные. Сразу перейду к делу: у меня есть брат, ему пятьдесят пять лет, он живет в Чикаго. Он успешный человек, у него имеется американское гражданство и собственный бизнес, но его жена, к сожалению, с ним развелась. Что уж у них там не заладилось, мне не совсем понятно, но вот такое дело. – Благообразный Гиваргис сокрушенно развел ру-

ками. – Он хочет жениться еще раз, ищет женщину со схожим жизненным опытом, разведенную или вдову. Наличие детей значения не имеет. Через неделю он приезжает ко мне погостить, вот я и подумал: а что если вам познакомиться? Встретитесь, пообщаетесь, а там посмотрим, вдруг да сложится? Ну а если не сложится – тоже не беда.

Лилит Ханум смущенно улыбнулась: вот оно что! Она внимательно посмотрела на Гиваргиса и подумала, что если его брат такой же интеллигентный и благообразный, то и очень даже и хорошо. В конце концов, почему бы и не сходить замуж еще разок?

– Ну... – кокетливо протянула она. – Я даже не знаю... В принципе, дело хорошее, я с удовольствием с ним познакомлюсь. Ничего не обещаю...

– Конечно, конечно, – горячо заверил ее Гиваргис, – что тут можно обещать! Я вас познакомлю, представлю друг другу, а там сами разберетесь, люди взрослые. Если вы не возражаете, можно мне дать ему ваши координаты, чтобы он мог позвонить или написать предварительно? Вот, кстати, его фото.

Гиваргис протянул Лилит смартфон, с экрана которого улыбался немолодой, но симпатичный мужчина. У него были правильные черты лица, карие глаза с длинными ресницами, он был гладко выбрит, короткие черные волосы бодро топорщились ежиком. Для пятидесяти с лишком лет он выглядел очень даже моложаво. Жаль, конечно, что на фото

было только лицо, но у Лилит Ханум еще будет время рассмотреть потенциального жениха целиком.

– Да-да, конечно, – кротко прощebetала она, – запишите мой телефон, пускай звонит, пишет, буду очень рада. А как его зовут?

– Сэм. То есть по-тамошнему Сэм, по кярманским документам он Шмуил. В Штатах его записали Самюэлем, сократили, получится американский дядя Сэм.

Оба рассмеялись. Прощание было душевным и уже почти родственным. Гиваргис сразу понравился Лилит: вежливый, немного застенчивый, он произвел впечатление уравновешенного и тактичного человека. От такого же мужа Лилит Ханум не отказалась бы. Конечно, жених на десять лет ее старше, а Лилит предпочитала ровесников, но чем старше становишься сама, тем менее существенна разница в возрасте. Да и вообще вся эта история ни к чему пока что не обязывает. Жаль только, что Лилит почти все время занята ремонтом, времени на свидания маловато, но можно же будет убежать на полдня, оставив рыцарям Круглого стола достаточный для их выживания запас кофе. Ну и потом, дожив до пятидесяти с лишком лет, человек должен вполне представлять себе, что такое ремонт.

Вернувшись из церкви, накормив веселую бригаду и пару раз сварив кофе, Лилит Ханум услышала жалобное попискивание телефона: его тоже надо было «покормить» электричеством. Ставя мобильник на зарядку, Лилит увидела пару со-

общений от человека по имени Сэм. Он вежливо представлялся, ссылаясь на утренний разговор с братом. Лилит ответила ему и через минуту уже болтала с потенциальным женихом по видеочату. Он ее не разочаровал: то же приятное лицо, что и на фото, открытая улыбка, добрый взгляд. Изъяснялся он то по-ассирийски, то по-английски, умеренно сетовал на одиночество, говорил, что давно мечтал о мудрой зрелой женщине рядом. То, что он рассказал о себе, вызвало у Лилит Ханум уважение и восхищение. По образованию он был физиком, долгое время преподавал сопромат в Шахинском государственном университете, потом, в смутные годы, вместе с женой и детьми уехал в Чикаго, где первые три года работал то на автомойке, то на заправочной станции. Скопив небольшую сумму, основал свою фирму, которая занималась расчетом прочности металлических конструкций при строительстве. Фирма была небольшая, но приносила, по словам Сэма, стабильный доход.

– Ну а ты как тут живешь? – спросил он. – Тяжело, наверное?

– Эээ, ну как сказать? Недавно переехала, делаю ремонт. Есть, конечно, непростые моменты, но в целом очень даже весело.

– Да ладно, знаю, как вам там тяжело живется... А вот у нас в Америке совсем другая жизнь. Выйдешь за меня замуж, увидишь.

Лилит Ханум осторожно намекнула, что насчет свадьбы

еще ничего не решено, поскольку для начала надо бы встретиться, посмотреть друг на друга. Сэм, конечно же, согласился с таким разумным подходом.

– Приятно иметь дело с умной женщиной. Я уверен, что мы поладим. Я буду считать дни до моего приезда в Шахину.

Разговор кончился романтическим покачиванием головы на манер китайского болванчика, многократным взлетом и падением бровей Сэма и нежным воздушным поцелуем. Что умеют делать восточные мужчины, так это очаровывать и играть бровями. Лилит Ханум тоже сделала бровями туда-сюда в знак выражения зарождающихся ответных чувств. В конце концов, почему бы и не начать новую жизнь со свадьбы? Кто вообще сказал, что свадьба обязательно должна быть в конце истории, а не в самом начале?

С тех пор они общались каждый вечер. Сэм был приятным собеседником, правда, иногда говорил излишне суетливо и заливисто смеялся над собственными шутками. По темпераменту он был не очень похож на своего благообразного брата, но в целом производил более чем приятное впечатление. Никаких излишне игривых намеков в разговоре и переписке он не допускал и посылал фото только своего лица, не более. Этим он просто пленил Лилит Ханум, которую менее воспитанные интернет-поклонники успели уже забросать фотографиями других частей тела, недостойных быть упомянутыми в нашей книге.

Перед его приездом Лилит Ханум снова пришлось оста-

вить своих рабочих наедине с пачкой кофе и джезвой и провести полдня в салоне красоты. Там ей зачернили пробивающуюся кое-где седину, сделали модное в том сезоне каре, привели в идеальное состояние руки и ноги, накрасив ногти таким ярким красным цветом, от которого жених должен был непременно потерять голову. Фото Лилит с маникюром и укладкой было немедленно отправлено в Чикаго, откуда моментально пришло сообщение в виде картинки с розочками и сердечками, такими же ядовито-красными, как маникюр Лилит. Потом Сэм написал, что тоже идет в салон красоты стричься и красить волосы в черный цвет, потому что он не смеет оскорбить взор невесты своими сединами. Лилит Ханум также отправила сердечко. Можно сказать, что начало у романа было более чем правильное. До приезда дядюшки Сэма оставалось два дня.

Отделочные работы на верхнем этаже уже подходили к концу. Рабочие белили потолки, витиеватые мотивы их песен раздавались теперь откуда-то сверху. И если бы Лилит Ханум знала армянский, то поняла бы, что припев звучал так: «Кто тот ослу подобный архитектор, который придумал делать такие высокие потолки? Господи, Господи, как угрожающе качается моя старая стремянка! Почти четыре метра потолки, четыре метра мееетра потолки! Вай, вай!»

Генрих скакал по дому весь белый, будто Пьеро, и недовольный тем, что побелка плохо отмывается с его зеленой шкурки и теперь придется эту шкурку сбрасывать.

– Не опыляй мне мозг, – беззлобно отвечала Лилит на его жалобы. – Тебе и так время линять, весна уже прошла, а ты на линьку до сих пор не раскачался. Небось, давно уже новую резиновую шкурку отрастил.

Генрих обижался, но возразить против правды нечего. Ему и впрямь было давно пора линять, но лень.

Постепенно верхний этаж дома стал светлым, уютным и пригодным для жилья. Появлялись кое-какая мебель и бытовая техника; периодически, несмотря на то, что ремонт еще не был закончен, в доме заводились гости. По вечерам во дворе Лилит Ханум накрывала стол и зажигала специально купленный для этой цели фонарь со свечой внутри, похожий на старинную восточную лампу. Оставались только мелочи, например новые розетки и дополнительное освещение.

Как-то раз утром вместе с бригадой приехал пожилой русский инженер-электрик, похожий на Санта Клауса: круглые очки, белые кудри вокруг лысины, белая борода. Представляя его Лилит Ханум, мастера почему-то покатывались со смеху.

– А вот и наш Александр Анатольевич, – сказал Артур и прыснул в кулак.

– Вот так они всегда, – посетовал инженер.

– А почему? – поинтересовалась Лилит Ханум.

– Да все из-за моей фамилии.

– А что с вашей фамилией? Она смешная или неприличная?

– Ах, если бы, милая моя, если бы... Мерлин моя фамилия. Мерлин Александр Анатольевич.

Лилит присоединилась ко всеобщему веселью и хохотала до слез, так что сурьма под глазами размазалась и сделала ее похожей на жизнерадостную панду.

Вечером, когда дом опустел, а Генрих удалился в сад, чтобы вдали от нескромных взоров наконец-то снять с себя старую кожу, Лилит Ханум устроилась на своей резной кровати и начала упоительную виртуальную беседу с женихом. На экране телефона возникло приятное лицо дядюшки Сэма.

– Привет, о роза среди роз! – сказал он.

Лилит поздоровалась более сдержанно.

– Послезавтра я буду рад увидеть тебя! Нет, ты можешь не приезжать встречать меня в аэропорт. Меня встретит брат, а потом представит нас друг другу.

– Да, это наилучший вариант, – согласилась Лилит Ханум. Ей совершенно не хотелось тащиться в аэропорт.

– И я очень надеюсь, что это будет прекрасным началом нашей совместной жизни! Я буду любить тебя, холить и лелеять. Ты увидишь, я очень спокойный и позитивный человек.

Слово «позитивный» он вставил по-английски, хотя, по мнению Лилит, в родном языке можно было найти ему какую-нибудь замену. Но это самое слово, видимо, оказалось дорого заокеанскому собеседнику.

– Я очень и очень позитивный человек, – продолжал он. –

Никогда не расстраиваюсь, никогда не жалуясь на проблемы. Я знаю, у вас там принято жаловаться на жизнь, а в Америке не так, у нас все настроены на позитив.

– Ээээ... Да как-то я особых жалоб ни от кого не слышала, – робко возразила Лилит Ханум.

– Да ладно, я лучше знаю, я тут вырос и никогда больше сюда не вернусь.

– А... Я планирую остаться здесь насовсем. Как это будет сочетаться с нашей совместной жизнью?

– Мы поговорим об этом, когда встретимся. Ты многого не знаешь об Америке. Ты ведь никогда не была там, верно?

– Да как-то не доводилось.

– Вот видишь! Я расскажу тебе о позитивном мышлении и настрое на успех.

Слова «позитивное мышление» и «настрой на успех» тоже были сказаны на английском, но не буду загружать читателя иностранными словами. Дядя Сэм столь обильно пересыпал ими свою ассирийскую речь, что вздумай я передать его реплики в том виде, в каком они были сказаны, получилась бы малоприятная двуязычная абракадабра. А я не хочу, чтобы на меня накинудись защитники чистоты русского языка.

Влюбленные слегка поворковали, как положено, поиграли бровями, и Лилит Ханум закончила день с надеждой на то, что жизнь окончательно входит в правильную колею, вот даже и жених уже появился.

Глава четырнадцатая

Старое кладбище

Со всеми этими ремонтными и любовными заботами Лилит Ханум совсем забыла о том, что ей необходимо привести в порядок и свою будущую вечную обитель. Как-то утром, вспомнив о том, что в новом доме она будет жить только в этой жизни, а впереди еще и вечная, Лилит Ханум взяла ведро и тряпку и отправилась на кладбище. Идти было две минуты, и Лилит в который раз подумала, что, когда придет ее смертный час, дочери и гипотетическим внукам будет очень удобно ее хоронить: никуда не надо везти и можно изрядно сэкономить на катафалке. Погода была отменная, в соседних садах щебетали птицы, и Лилит Ханум решила, что дорога до кладбища столь прекрасна, что ее последний путь будет весьма приятным. А вообще, думала она, уже одной ногой ступая на кладбищенскую землю, ну ее, эту похоронную процессию, можно же прийти заранее, не торопясь, без всей дурацкой скорби, и не напрягать потомков: заранее окопаться и улечься, благо все рядом, все такое родное и уютное. Подобно многим своим ровесницам, Лилит привыкла рассчитывать на себя, и только на себя. Как и многим из родившихся в семидесятые, ей не стали опорой ни постаревшие, но так и не повзрослевшие родители, ни возникающие в ее жизни и пропадающие в самый нужный момент

мужчины, так что от самой мысли, что после смерти придется кого-то напрягать, чтобы несли гроб, устраивали похороны и поминки, становилось как-то неловко перед окружающими. Что она, сама не справится, что ли?

Глядя на памятники из белого и черного мрамора, она прикидывала, что и памятник нужно заказать заранее, а то этим придется заниматься дочери, опять же ей лишние расходы и лишние хлопоты. Задумавшись об этих важных вещах, Лилит Ханум не заметила, как прошла мимо нужного поворота и очутилась среди хаотичного нагромождения оград. Тропинки между оградками заросли травой, так что было не видно, куда ступаешь. Со всех сторон с памятников на Лилит Ханум смотрели серьезные печальные лица. «Ну уж нет, я на своем памятнике сделаю веселое фото, с улыбкой. А то потомки посмотрят и подумают, что жизнь у меня была очень скучная и неинтересная, а я сама была нуднейшей старухой».

О любезный читатель! Никогда не предавайся таким мыслям, ибо мы уже слышали легенду про ангела с записной книжечкой. В тот самый момент, о котором я веду речь, удивленный ангел пожал плечами и сказал: «Странные желания, ну ладно...» – и предоставил Лилит Ханум возможность немедленно освободить потомков от неприятной необходимости доставлять ее тело на кладбище.

Ступая по заросшим буйной травой кладбищенским тропинкам, наша героиня не заметила, что прогуливалась тут не

одна. Длинная упитанная серая змея также совершала миссию близ могил и была неприятно удивлена человеческой ногой, ступившей в опасной близости от ее хвоста. Испуг был обоюдным: змея потоком ртути кинулась прочь с тропы, а Лилит Ханум бросилась удирать в противоположном направлении, причем, в отличие от змеи, не молча, а громко призывая святого Патрика немедленно явиться в Кярманистан и навести там порядок, как он это сделал в Ирландии.

Ангел с книжечкой обиженно хмыкнул: скончаться от укуса змеи, практически находясь на краю собственной могилы, – разве это не изящное решение поставленной задачи?

Поскольку душераздирающие вопли на кладбище раздаются нечасто, на крики Лилит Ханум отреагировали немногие находившиеся здесь живые.

– Эге-ге! – раздался зычный мужской голос. – Кто там? Что случилось?

Лилит узнала его, это был бессменный кладбищенский сторож, пожилой человек неопределенного возраста, сын гречанки и ассирийца, местный уроженец.

– Это я, Лилит! – ответила она. – Где вы, Харон Нергалович?

– Тут я, тут! – донеслось из-за могил. – Что с тобой?

– Змеяаааа!

– Где змея? – Из-за живописного нагромождения оград и памятников показалась макушка, слегка припорошенная редкими седыми волосами, выдающийся коричневый нос на

не менее коричневого лице, потом широкие плечи, толстый живот и, наконец, короткие ноги, – и весь дядя Харон материализовался перед Лилит, которая уже перешла с бега на шаг.

– Там, – махнула рукой Лилит Ханум.

– Ты на нее наступила?

– Не успела.

– Слава богу. А что ты делала в той части кладбища? Твоя могила не здесь.

– Я заблудилась.

– Ну сколько же можно напоминать – три шага направо от статуи плачущего ангела! Пойдем провожу.

Едва протискиваясь в узкие для его грузного тела проходы между огражденными участками, дядя Харон зашагал прочь, шевеля траву суковатой палкой, чтобы отпугнуть пресмыкающихся всех мастей. Попутно он утешал Лилит Ханум, рассказывая, что змеи редко нападают на людей и обычно делают все, чтобы избежать встречи с двуногими. К тому же укус не всякой змеи ядовит, опасаться следует только гадюки и гюрзы, а их тут явно не подавляющее большинство. И, скорее всего, змея сама перенесла тяжелое моральное потрясение, от которого не скоро оправится. – Надеюсь, ее тоже кто-нибудь вот так же сейчас утешает, – засмеялась Лилит Ханум, к которой постепенно возвращалось привычное настроение.

Они дошли до скульптуры ангела, прикрывающего рукой

скорбное лицо – этот жест сейчас принято называть фейс-палмом, – повернули направо, к кустам пышной сирени, за которым располагался фамильный участок Лилит.

– Вот они, все твои! Я помню их, сам всех закопал, помню каждые похороны! О, какие это были прекрасные похороны! Скромные, но искренние...

– Что, и прадеда моего вы хоронили? – сыронизировала Лилит, но дядя Харон отвечал со всей серьезностью:

– Конечно, я его хоронил, это было в шестидесятом году. А последней похоронил вон ту твою тетю... Да, тридцать лет тут никто не умирал, по санитарным нормам снова закапывать можно. Так что как соберешься, только скажи: сделаю тебе такие шикарные похороны, что их долго будут помнить.

– Спасибо, Харон Нергалович, но я пока не тороплюсь. Я, пожалуй, еще лет сорок, а то и больше побуду по эту сторону земли. – Да кто же тебя торопит-то? Столько дел еще на земле... Это я так, на будущее. – Он посмотрел на Лилит с отеческой нежностью, лучики морщин разбегались от его карих с золотистыми искрами глаз. – Живи, получай от жизни удовольствие, пока молодая. Как там Джафар, не треплет тебе больше нервы?

Лилит отрицательно покачала головой.

– Говорят, его на базаре видели, он иногда приезжает сюда, что-то ему не дает покоя. Ты молодец, что не поддалась ему тогда, а то сперва карнизы заставил бы снять, потом оконные рамы, дверные ручки – и пошло-поехало. Он не

бедный человек, просто там, где можно хоть какой-то кусок урвать, он урвет. Он и тут кружил, что-то искал на кладбище, а когда я его спросил, что ему надо, только обругал меня и ушел. А тут, – дядя Харон широким жестом обвел рукой свои владения, – много тех, кого еще его дед выгнал из Персии... Такая у них семейка бандитская! Со всеми соседями перессорился, так что вынужден был продать новый добротный дом.

– То-то мне все соседи так обрадовались, когда я тут поселилась...

– Еще бы! – засмеялся дядя Харон. – А потом вообще странное дело случилось. Я тут приводил в порядок дорожки, а был уже вечер, скоро стемнеет, на кладбище никого. Я уже собирался уходить, как вдруг смотрю: Джафар собственной персоной. Стоит вон там, озирается, как будто что-то ищет, а в руке у него лопата и спортивная сумка. Я ему и говорю: «Ты тут что-то закапывать или откапывать собрался?» Он молчит. Я ему говорю: «Здесь твоих нет никого, они в другой части кладбища, что ты тут забыл?» Он ничего не сказал, а глаза забегали. Развернулся и ушел. Пойди пойми его. Я ему вслед кричу: «Скоро стемнеет, я всех призраков на ночь выпущу!» Пошутил, конечно, не бывает никаких призраков, а он как припустил! Семьдесят лет, а такой проворный!.. Ладно, дорогая, мне надо тут все в порядок приводить. А ты посиди в тишине и подумай о вечном. Заблудишься снова – лучше не кричи, а звони на мобильник. И

под ноги смотри, а то вдруг гюрза...

Закончив разговор, заботливый старик помахал рукой и степенно удалился, окидывая хозяйским взглядом свои мрачные владения. Лилит Ханум всегда было интересно, сколько же лет дяде Харону. Но спросить у него она стеснялась. Несмотря на почтенный возраст, он был неизменно бодр и всегда шутил. Юмор у него, конечно, своеобразный, но все понимали, что он не со зла: это профдеформация.

Прибрав свой участок, Лилит Ханум отправилась к выходу, миновала плачущего ангела и...

Глава пятнадцатая

Сватовство по всем правилам

Первая встреча Лилит и дядюшки Сэма была обставлена как положено. Утром почтенный Гиваргис позвонил и сообщил, что будет ожидать Лилит через час вместе с братом в ресторане «Древняя Шахина». По его словам, жених несколько взволнован и трепещет в ожидании встречи. Лилит Ханум тоже попробовала потрепетать, но у нее не получилось: надо было гладить нарядное платье, завивать каре, обводить глаза сурьмой, чтобы казались еще больше, красить ресницы, губы... Хорошо еще, что в наследство от предков ей досталась прекрасная матовая кожа, так что она не пользовалась пудрой и тональным кремом, а то бы сборы затягивались на полдня. Встреча была практически официальной, поэтому было выбрано маленькое черное платье, строгий дорогой пиджак – знай наших! – и шейный платок из пестрого иранского шелка. Поскольку к этому всему великолепию неминуемо прилагались туфли на высоких каблуках, в которых влезть в автобус немислимо, пришлось вызвать такси.

Войдя в ресторан, Лилит Ханум сразу же увидела двух братьев, одетых а-ля киношные мафиози: оба были в костюмах-тройках и при галстуках. Их лица были так гладко выбриты, что, казалось, в их щеки можно было смотреться, как в зеркало. Запах их одеколонов перебивал все съедоб-

ные ароматы ресторанный зала. Все это было очень хорошо и правильно.

Лилит направилась к ним, покачивая бедрами (умеренно, в рамках приличий, конечно же!). Оба брата немедленно поднялись из-за стола, и тут наша героиня испытала первое разочарование. Гиваргис был сухопарым и костюм сидел на нем безупречно, а вот брат оказался пониже ростом, и его фигура совершенно не сочеталась с приятным и даже до какой-то степени благородным лицом.

Многие восточные люди отличаются склонностью к полноте и крепким телосложением. Но – удивительное дело! – те из них, кто проживает на Ближнем Востоке, Закавказье, в России или Западной Европе, обычно обрастают жирком весьма умеренно, и их можно назвать скорее плотными, чем полными. Например, Лилит Ханум не была худышкой, но ее фигура до сих пор напоминала песочные часы, слегка раздавшиеся вширь за последние двадцать лет. Однако те соплеменники, кто перебирался в США или Канаду, изменялись до неузнаваемости и мгновенно становились карикатурными американскими толстяками с маленькой головой и необъятным толстым телом. Именно таким и был Сэм. Все, что находилось ниже шеи, было огромным и колыхалось вокруг него как студень. Лилит Ханум почему-то вспомнила недавно прочитанную научно-популярную статью о планете Юпитер. Юпитер огромен, но приземлиться (или приюпитериться?) на него нельзя, потому что он не является твердым

телом. Вот и дядюшка Сэм твердым телом не являлся. Впрочем, элементарная вежливость предписывала держать астрономические сравнения при себе. Лилит мило улыбнулась и протянула руку сначала Гиваргису, потом его заокеанскому брату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.